

РУСТАМ МИРЗОЕВ

Почему?

Книга первая: Капоэйра

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Рустам Мирзоев

Почему? Книга первая – Капозэйра

«Автор»

2019

Мирзоев Р. К.

Почему? Книга первая – Капоэйра / Р. К. Мирзоев — «Автор», 2019

Роман с элементами детектива, мелодрамы и психологии, происходящий на фоне исторических событий в Бразилии в 1969 году. Актуальна и для постсоветского общества. Содержит нецензурную брань.

© Мирзоев Р. К., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	54
-----------------------------------	----

Dedicamos memoria ao meu pai falecido

*«Мы живём в мире, где похороны важнее покойника,
где свадьба важнее любви, где внешность важнее ума.
Мы живём в культуре упаковки, презирающей содержимое...»*

Эдуардо Галеано

Глава I

На берегу океана было удивительно спокойно. Бирюзовые, несмотря на пасмурную погоду, волны мерно накатывали на песчаные берега, пустынные в это время года. Шум волн успокаивал душу, но в то же время созерцание необъятной стихии восхищало воображение. Могучий океан не был подвластен времени, и жил особым измерением. Океан был выше суеты земной.

Так, наверное, думал невысокий молодой человек лет двадцати пяти с загорелой кожей и крепким телосложением. Его большие, отливавшие под густыми бровями кремнистым блеском, серые глаза подобно зеркалу отражали в себе бегущие волны. Свежий ветерок слегка трепал волнистые тёмно-каштановые волосы, а вытянутый подбородок, характерный у людей несгибаемой воли, резко выделялся на симпатичном лице с правильными чертами. Голова его была наклонена чуть вперёд, и этой стойкой он напоминал быка, готового в любой момент боднуть. Со стороны могло показаться, что этот сеньор расслабленно любит красоту безбрежной глади, вдыхая солоноватый аромат. На самом деле он терпеливо, совсем не глядя на часы, ожидал кого-то. Было видно, что это ожидание вовсе не томит его, а напротив, даёт возможность подольше оставаться наедине с природой и собственными мыслями.

Туман начал рассеиваться, когда из-за холма показался, едущий в сторону берега чёрный автомобиль. Заметивший это незнакомец сразу же обернулся, но не зашагал в сторону подъезжавшей машины, а неподвижно остался ждать на месте. Его силуэт, одетый в куртку и светлые брюки, сливался с фоном окружающей местности, от холодного взгляда немигающих глаз веяло властью. Машина остановилась рядом с ним. Кряхтя, вышел водитель, полноватый мужчина лет пятидесяти, низкого роста с лысой головой, с очками в роговой оправе. Костюм плотно облегал дородную фигуру. Выйдя, он зашагал в сторону незнакомца.

– А так вы здесь? Нам так и сказали, когда мы позвонили в отель.

– По утрам я обычно совершаю пробежку или прогуливаюсь по берегу.

– Да это полезно, – рассудительно предположил водитель.

– Вы, кажется, приехали на встречу вместо адвоката Маурисиу, сеньор?

– Извините нас, пожалуйста, сеньор да Силва за опоздание. Дело в том, что адвокат не смог приехать по причине неотложных дел, вместо него прибыл я ваш покорный слуга, чтобы уладить последние детали. Забыл представиться, Жоао Ассунсау, маклер, – закончил он, протягивая незнакомцу пухлую руку.

– Очень приятно, сеньор. Сеньора, наверное, ждёт в машине? – здороваясь, спросил незнакомец. Рука у него была крепкой и жилистой. Он уже успел увидеть незнакомое женское лицо на заднем сиденье. Голос незнакомца был твёрдый, а движения уверенные.

– Да сеньор, – ответил маклер, указывая рукой в сторону машины.

В это время из машины вышла невысокая девушка с тёмно-карими, миндалевидными глазами, с белоснежной кожей, худой, но стройной фигурой. Длинные шелковистые волосы цвета спелых фиников развевались на ветру, а короткий плащ подчёркивал её нежную грацию. Подойдя изящной походкой к онемевшему от её красоты сеньору да Силве, девушка мило, но без тени кокетства улыбнувшись, протянула руку:

– Добрый день сеньор! Вы, наверное, нас заждались? Надеюсь, мы больше не станем вас так беспокоить, – и её прекрасное пухленькое лицо опять расплылось в чудесной улыбке, образуя забавные ямочки на щеках, а слабо покрашенные полноватые губы источали неповторимый аромат. С виду ей можно было дать не больше семнадцати. Хотя по-детски задорный блеск её миндалевидных глаз и милые ямочки на щеках делали её моложе. Однако за непринуждённым тоном, привычкой смущённо оглядывать собеседника, угадывалась редкая скромность, что не ускользнуло от внимательного взора собеседника.

– Добрый день сеньора, – начал он, – Нет. Вы совсем меня не побеспокоили. Я получил возможность подольше подышать морским воздухом, и познакомиться с очаровательной особой. Признаться, это самая приятная сделка из всех, которые я до сих пор заключал, – закончил он. Тут в разговор некстати вмешался маклер:

– Сеньора Казелли на этот раз пожелала лично участвовать на последнем этапе вашей сделки, да и в заключительном договоре должна стоять её подпись. Тем более, что её супруг, заранее предоставил ей доверенность. Поэтому, взяв нужные документы у адвоката, мы...

– Я то полагал, что фамилия сеньоры иная. Не так ли, дон Мальвина? – небрежно перебил маклера сеньор, не спускавший глаз с красавицы.

– Не совсем, сеньор. Казелли – фамилия по мужу, а Алмейда-Валадарис по отцу, то есть девичья, но я её сохранила и после замужества.

– Валадарис? – переспросил он.

– Да. Она происходит от старинного португальского рода графов Валадарис, – мелодичным голосом ответила Мальвина, всё ещё по-детски густо краснея от взгляда и недавнего комплимента собеседника.

– Ещё раз очень рад личному знакомству с вами, сеньора графиня. Однако полагаю, что побережье хоть и романтическое, но не совсем удачное место для такого разговора. Предлагаю продолжить его в подходящем месте.

– Конечно, – согласилась сеньора. Она украдкой любовалась на джентльмена. Было видно, что его манеры, пришлись ей по душе.

– О да, здесь вблизи в километре от посёлка есть уютное кафе с вкусной едой и хорошим вином. По правде, это заведение не совсем для таких солидных сеньоров как вы, но не взыщите, пожалуйста. Ибо, это лучшее в наших Богом забытых краях место. Там вы сможете отдохнуть и спокойно поговорить сеньоры, – с радостью поддержал их Жоао. По всей видимости, он сам куда-то торопился.

– Тогда поедem сеньоры, – предложил сеньор да Силва, любезно открывая заднюю дверцу машины для дамы, – Вы тоже отобедаете с нами?

– К сожалению, вынужден буду вас покинуть господа. Я только доведу вас до кафе, и заеду за вами часа через два, если вы не возражаете, разумеется. Срочные дела требуют моего присутствия в городе. Вы не будете против?

– Нисколько дон Ассунсау, – ответил за себя и даму молодой человек. По улыбке чувствовалось, что он рад такому повороту дела. Ведь он проведёт как минимум полтора часа наедине с красивой женщиной, пусть и замужней. Что, впрочем, не слишком его волновало.

Автомобиль тронулся с места и выехал на трассу, ведущую в сторону посёлка Олинда к северу от Ресифи. Дороги в это время года были пусты. Через пару минут машина затормозила у входа внешне сирого заведения на берегу.

Кафе «Onda»¹ оказался хоть и небольшим, но вполне уютным местом со спокойной обстановкой. Помимо залы с барной стойкой, наполнявшим вечерами местный люд, в примыкавшей к саду задней части располагалась пара кабинетов с плетёнными из тростника круглыми столиками. Были там даже гамаки. Видимо, эти кабинеты предназначались для уеди-

---

¹ Onda – волна, по-португальски

нённого отдыха местных богатеев вроде хозяев рыболовных шхун или гостей. Неудобства заведения компенсировались обильной вкусной едой и по-деревенски добротным обслуживанием. К тому же кафе славилось превосходными блюдами – рыбным супом касау, гарниром из зелени, морепродуктов лапаш и, конечно, фейжоада, являющегося своего рода визитной карточкой бразильской кухни. А также знаменитым на весь мир сухим вином «Мадейра», отлично выдержанным в погребе.

В одном из кабинетов, выходящим окном прямо в сердце пальмового сада, оживлённо беседовали между собой молодые мужчина и женщина. Так как, в это время дня посетителей почти не было, весёлые голоса гостей разносились по кафе, доходя до барной стойки, где хозяин-негр доставал из погреба бутылку «Мадейры». Тем временем, из кабинета слышались голоса и женский смех.

– А вы очень забавный человек, сеньор да Силва. У вас, наверное, в запасе целый арсенал подобных анекдотов, – смеясь, говорила женщина.

– Прошу вас, зовите меня по имени, пожалуйста, – Жуан Педру, – попросил мужчина, – а анекдоты, это наследство моей прошлой жизни.

– Глядя на вас видно, что вы бывший военный и даже офицер, – улыбаясь, заметила женщина, – Подтянутая внешность, чеканный шаг. Позвольте спросить, почему вы ушли из армии? Ведь сейчас быть офицером на службе перспективно.

Они могли позволить себе так беззаботно и весело проводить время. Полчаса назад между ними был окончательно подписан договор о купле-продаже фазенды, а последние детали были улажены лично сторонами без участия посредников. Договор, который обе стороны подготавливали неделю, и переговоры на тему которого длились месяц. Именно ради этого контракта молодой предприниматель из Рио-де-Жанейро, сеньор Жуан Педру да Силва уже несколько дней гостил в отеле «Jangadeiro» в Ресифи. Дело в том, что его отец, президент компании по производству натуральных соков «Силва», сеньор Жуан Антониу да Силва, нуждаясь в дополнительных средствах для расширения производства и оплаты старых долгов, принял решение продать родовую фазенду богатым соседям. Она давно была заброшенной, представляла для хозяев ностальгическую ценность. Но первоначальная цену раздули посредники. Продавать становилось труднее, а цены на землю в этой части страны снижались.

И для ускорения продажи Жуан Антониу посылает в Ресифи среднего сына и, одновременно, юриста компании, зная его умение находить выход из сложных ситуаций. Но первые дни пребывания здесь для Жуана Педру были омрачены неудачей по причине отсутствия покупателей. Сезон для купли-продажи был неподходящий. Нестабильная ситуация в том регионе отталкивала покупателей. Но не в его характере было легко сдаваться.

Наконец, удача улыбается ему, и неделю назад он лично знакомится с долговым Маурисиу Монтелли, адвокатом, представляющим интересы крупного бизнесмена из Сан-Паулу, Алвару Казелли, который согласился купить, заросшую бурьяном и колючками фазенду да Силва. Покупал он её по капризу своей молодой жены, уроженки этих мест. Но так как сам Алвару отсутствовал в это время в стране, дела с его нотариального согласия вели супруга – Мальвина, Маурисиу и маклер.

После напряжённых переговоров между Жуаном Педру и доном Маурисиу, неоднократных замеров фазенды, получения нужных документов, и обязательной в этих делах бюрократической волокиты обе стороны, приходят к консенсусу, начиная подготавливать контракт. В ходе всего процесса, Мальвина ни разу не появилась, действуя через адвоката. Лишь в силу стечения обстоятельств в недавней встрече, она впервые непосредственно познакомилась с продавцом.

А Жуан Педру тем временем, смог не только выгодно продать старое имение за приемлемую сумму, обеспечив отца необходимыми средствами, но и положить себе в карман немалые комиссионные. Посему, сейчас он мог оставаться вполне довольным. Кроме того, он успел

познакомиться с невероятно красивой и интеллигентной женщиной, которая, наверное, тоже осталась равнодушной к нему, если судить по её сияющим глазам, неподдельно игривому тону. Таким образом, успешно завершив сделку, и подписав договор, Жуан Педру и Мальвина с чистой совестью беседовали в ожидании обеда. Причём, в ходе беседы спрашивала в основном она, а он с манерами, присущими опытным сердцедамам, неторопливо отвечал.

– Да, я учился в Военной Академии и проходил стажировку в Северной Америке, – говорил Жуан Педру, – Но именно после хунты 64-го я решил окончательно завязать с военной карьерой. Так как перевороты и власть на штыках не по мне. Не по нутру, то есть. Я ведь по натуре либерал, и не могу одобрить никакую диктатуру, даже если она и во благо страны. К тому же меня всегда тянуло к юриспруденции. И я заочно продолжил образование в Майами, одновременно, помогая отцу в бизнесе. Хотя, наверное, если бы я остался на службе, то сейчас работал бы в Итамарати² или на худой конец служил губернатором где-нибудь в амазонских штатах.

Здесь Жуан Педру, говоря о завершении своей военной карьеры, был не совсем искренен. Отнюдь не возвышенные мотивы двигали им, когда он принял вынужденное решение уйти из армии, вернее, военно-воздушных сил. Ибо, командира эскадрильи ждал трибунал за жестокое обращение с чернокожим солдатом, повлекшее смерть последнего. Тогда с помощью связей отца и суммы, переданной семье сержанта, дело удалось замять. Жуан Педру уволился из рядов вооружённых сил, уехал на время в США, где получил второе образование. Но поддерживал связь с сослуживцами, которые продолжали принимать за своего. Притом, некоторые офицеры с расистскими взглядами искренне полагали, что с Жуаном Педру обошлись несправедливо из-за какого-то «плешивого нигера», и во всём виноваты офицеры-демократы, губящие страну. Как бы то ни было, но Жуан Педру бережно хранил у себя дома парадный мундир, и даже аккуратно получал пенсию за выслугу лет. Хотя это противоречило закону и здравому смыслу, тем не менее, деньги делали любое невозможное возможным. Однако обо всём этом собеседнице, разумеется, не следовало знать, подумал он.

– Наоборот, это очень правильное и независимое решение. Не каждый в этой стране способен пожертвовать мундиром ради защиты прав и свобод граждан, которых повсеместно попирают эти самые носители мундира. Что скрывать? Вы же прекрасно знаете, что творится в нашей стране после 1964 года... Искренне говорю, вы смелый и благородный человек, сеньор!

– Буду воспринимать ваши слова за комплимент, сеньора, – улыбнулся он, – Но прошу прощения за бестактность, разрешите спросить, а как же сложилась ваша судьба? Где вы родились, где жили, учились и как вышли замуж? Расскажите, пожалуйста. Мне будет интересно послушать вас, донна Мальвина.

В это время в дверь тихо постучали, и в кабинет неслышно вошёл сам хозяин кафе с полным блюд подносом на руках. Ловко воспользовавшись неожиданно наступившей паузой, Жуан Педру осторожно прикоснулся, а затем и взял руку женщины, сжав её своими цепкими пальцами, на что она густо краснея, мягко отстранилась, спрятав руку под стол. Затем, после ухода, любезно улыбающегося хозяина и официанта в одном лице, она как бы нехотя начала отвечать на вопрос собеседника. Улыбка успела сойти с её очаровательного лица, уступив нынче место смущению.

– Я не получала высшего образования и можно сказать, что, вообще, даже не училась в школе, – глубоко вздохнув, начала она. Было явно заметно, что ей как-то нелегко, да и неудобно рассказывать про свою жизнь и быть до конца откровенной. Но будучи человеком чистой наивной души, она после небольшой паузы, всё же решила продолжить рассказ. К тому же она ни разу ни с кем не делилась на эту болезненную для себя тему. Годами она держала всё в себе. И это откровение малознакомому человеку являлось для неё сейчас своего рода отдушиной, –

---

² Итамарати – неофициальное название резиденции правительства Бразилии

Я родилась в Ресифи, но мой отец был родом из Португалии. Его предки, графы Валадарис много веков преданно служили королям, и наш род считался одним из самых знатных в той стране. Но после свержения монархии семья моего отца лишилась прежних привилегий, заслуженных столетиями, а в роковой год установления фашистской диктатуры была вынуждена переселиться в Бразилию. В предместьях Ресифи они поселились в большом имении, некогда принадлежавшей моей прабабушке. Тут через годы отец вторично женился на моей матери, молодой девушке из скромной семьи местных учителей. И спустя три года родилась я в этой самой фазенде.

Однако женитьба и особенно последовавшее за тем моё рождение ещё более усугубило незавидное финансовое положение отца. Ведь траты увеличивались, а доходы из года в год уменьшались. Проблема состояла в том, что мой отец, да упокой Господь его душу (при этих словах Мальвина набожно перекрестилась), был человеком благородным романтичным, но, к сожалению, непрактичным хозяином. В этом я пошла в него, наверное. Он не мог правильно управлять своей обширной латифундией, и терпел убытки, залезая в долги к ростовщикам. Его безжалостно обманывали все, кому не лень, пользуясь добротой и неуместной щедростью. В то время как соседи преуспевали, мы неуклонно беднели. Поэтому-то он был вынужден распродать за бесценок большую часть латифундии, чтобы погасить хотя бы часть огромных долгов и прокормить свою семью.

Всё это, разумеется, не самым лучшим образом сказалось на семейной атмосфере. На почве всего этого между родителями начались разногласия, часто заканчивающиеся ссорами и побоями с пьяной руки, так как отец в то время почти ежедневно пил. Пил с горя, можно сказать. Хотя, конечно, это – не выход. Причём, их отношения усложнялись ещё и ревностью, ибо значительная разница в возрасте между ними давала о себе знать... И в один прекрасный день, не выдержав всего этого, мать взяв меня с собой, сбежала от мужа. Мы поселились в двухкомнатной квартирке её сестры, моей тётки, школьной учительницы – Алисии Машаду в центре Ресифи близ Старого города. Мне было тогда десять лет. Я быстро привыкла к ней, несмотря на то, что болезненно переживала разлуку с отцом, которого любила больше всего на свете. Тётушка была старой девицей, потому тоже скоро привязалась к единственной племяннице. Она относилась ко мне как дочери, больше, нежели родная мать. А через год отец скончался в одиночестве, и я даже не смогла присутствовать на его похоронах. Никогда себе этого не прощу! Тем временем, мать не теряла времени зря. Вскоре она вторично вышла замуж за какого-то пожилого толстосума, переехав к нему. Меня же, дабы не стать обузой для счастливой пары, оставили на попечение тётушки. Матушка всегда думала только о себе, и была эгоисткой. Тётя её противоположность. Она-то и заменила мне и мать, и школу. Ведь мама после замужества меня почти не навещала. Именно у тётушки я и получила домашнее образование.

В эти годы я полюбила чтение. Книги стали моими самыми преданными друзьями, которым я могла излить душу, как вам сейчас. Они успокаивали меня, уводили далеко-далеко от серой реальности в царство красивых фантазий. Поныне я всё ещё провожу часы за книгой, и никогда не засыпаю, не прочитав.

Конечно, литература – вещь прекрасная, но она не способна заменить настоящих друзей, живых людей во плоти и крови. Не так ли?

– Верно и в реальной жизни у меня тоже есть две близкие подруги. Одна из них сейчас живёт рядом со мной в Сан-Паулу, в доме мужа. Это моя няня Сильвия, которая знает меня ещё с пелёнок. Она переехала к нам после смерти отца. Другая, Палома Шименес, смелая с мальчишеским нравом. Мы с ней в юности часто ходили в кино, а нашим любимым местом отдыха был парк араукарий у реки Капибериби, где и она меня познакомила со своим будущим мужем. Мне было тогда шестнадцать, и я подрабатывала в библиотеке. Однажды в жаркий февральский вечер, Палома познакомила меня с кузеном, который пригласил нас в дорогой ресторан, расположенный прямо в середине этого парка. Там уже за столиком нас поджидал

его друг и компаньон, предприниматель из Сан-Паулу – Алвару Казелли, мой будущий супруг. Который оказался вдвое старше меня.

Он, как в романе, сразу же влюбился в меня, едва увидев, и два месяца всячески добивался моей взаимности. Чего только он не делал для этого: завалил редкими цветами, забрасывал письмами, преподносил дорогие подарки, а слова, мольбы, признания, клятвы. Но я отказывала, и всё время убегала от него. Честно говоря, он не был для меня принцем из сказки. Я не чувствовала к нему ровно ничего, кроме уважения к его чувствам. Но Алвару, потомок бедных итальянских иммигрантов, был очень упорным, а ещё больше несказанно богатым человеком. Поэтому, когда он попросил моей руки у старой тёти, именно это обстоятельство оказалось решающим доводом в её решении. И она, недолго раздумывая, ответила за меня «да». Так, я вышла замуж за сеньора Казелли, поклявшись ему у алтаря перед Господом в верности до гробовой доски... В приданое же мужу я принесла лишь ненужный титул. Хотя, признаться, он страшно горд этим обстоятельством. Не понимаю только почему. Только спеси и пустого тщеславия ради. Ведь это анахронизм, артефакт из лавки древностей, – иронически усмехнулась она.

– Вы графиня не только по титулу, но и по духу, Мальвина, – заметил Жуан Педру. Он внимательно слушал, пристально смотря на неё, смело сжимая её руку. Откровение Мальвины, её печальный рассказ заинтересовал, но никак не тронул. Чужие переживания, сострадание к ближнему, были ему незнакомы. К тому же, нынче он желал свою собеседницу. Желал во что бы то ни стало. Этот сеньор привык всегда добиваться цели. Любой ценой.

– Но, согласитесь, это не имеет никакого значения в наш век, – продолжала она, – Авторитет любого дворянского титула уже давным-давно склонился перед авторитетом денег. Так вот, на моё счастье, Алвару оказался совсем неплохим человеком. Он не только вытащил всех нас из ярма долгов, но и согласился на переезд тёти и няни к нам. И они ни на шаг не отходили от меня. Правда, тётя решила вернуться сюда. Вообще, я ему признательна и многим обязана. Он всё время холит и опекает меня, и я на каждом шагу чувствую его любовь и заботу ко мне. Более пяти лет мы живём вместе, а в прошлом году у нас родился сын – Аугусту Бернаруду. Это было для меня его самым большим подарком. А вскоре после свадьбы, Палома уехала в Рио, а недавно по моей большой просьбе Алвару согласился купить часть бывшей фазенды моего отца. И теперь мы купили соседнее с нами имение, то есть ваше, сеньор. Вот видите, перед вами образец счастливой матери преуспевающего бразильского семейства, – с явной иронией заключила красавица. Видимо, не привыкшую к возлияниям Мальвину, крепкое вино многолетней выдержки ударило в голову, и она то и дело иронизировала над собой в ходе беседы.

– Но никак не любящей жены, хотя признаться, я не на шутку завидую вашему мужу, сеньора, – недвусмысленно признался Жуан Педру.

– Да перестаньте же вы! Во-первых, я люблю мужа и просто обязана его любить, а во-вторых, не пытайтесь, пожалуйста, быть со мной искусным оболстителем, ибо у меня, поверьте, крайне мало шансов попасть в ваши сети, – рассмеялась она, обнажив ровный ряд жемчужных зубов. Вино успело на неё подействовать, – Кстати, а вы сами женаты, кажется?

– Да я связан узами Гименея в прямом смысле этого слова, – вздохнул Жуан Педру, и у него явно подпортилось настроение. Тема брака и собственной семьи была для него не то, что бы больной, но и нелюбимой. Мальвина не заметила этой перемены на его лице, и искренне любопытствовала сейчас, – У меня жена и пятилетний сын. Я женился по расчёту и по совету отца. Хотя, признаться, мне грех жаловаться на неё. Она любит меня, верна мне, неплохо воспитывает сына.

– Это крайне важно для матери.

– Так что в этом мы с вами очень похожи. Оба мы в браке с нелюбимыми людьми, и оба пытаемся заставить себя чувствовать счастливыми.

– Повторяю вам, я люблю мужа. И будет лучше, если мы сменим тему разговора, – перебила его Мальвина. Он затронул её слабую струну. Она не хотела дальше касаться опасной для себя темы, и невольно выдать этим наступившее волнение.

– Тогда лучше выпьем, – предложил Жуан Педру, поднимая бокал.

– Нет, уж лучше вы расскажите, почему вдруг решили продать семейное имение, – мягко упростила его Мальвина, – Что вас вынудило пойти на такой шаг?

– Как я могу отказать вашей просьбе сеньорита, простите, сеньора. Просто вы так юно выглядите, – грубо польстил Жуан Педру. На самом деле он преднамеренно перепутал обычные обращения, и это было одним из его ухищрений, которые располагали к нему сердца женщин.

– Хотя, я не имею права этого спрашивать. Простите за любопытство.

– Да нет, что вы, дорогая. Мне будет очень приятно рассказать эту историю понравившейся мне красивой женщине, – этим откровением Жуан Педру снова вогнал в краску лицо Мальвины, и невозмутимо продолжал, – Прапрадед моего деда был гончаром в Лиссабоне. Но после знаменитого землетрясения в середине XVIII века он, лишившись почти всего, в том числе дома и погибшей под завалами семьи, с последними сбережениями приплыл в Бразилию. Искать своё счастье и начать новую жизнь на новой Родине. Вместе с алмазоискателями в Минас-Жейрасе он решил попытаться тут счастья и сколотить состояние. Однако ему это не удалось. И он, после многих лишений, примкнув к морякам, ищущим приключений, отплыл с ними в Пернамбуку, надеясь захватить кусок земли, выращивать там сахар. Тогда сахар стоил огромных денег, и торговать им было выгодно. Многие эмигранты из Европы сумели нажиться на этом, сколотив состояния. Он обосновался в Ресифи, купил тот самый участок, который я вам недавно продал, построил дом, женился на креолке голландских корней, заимел детей. Его сын переключился на кофе, и этим положил начало семейному делу. Чтобы покрыть издержки, он продал часть земли соседям. Внуки и правнуки его сына рождались, жили и умирали здесь.

Всё это продолжалось до тех пор, пока в начале нашего века мой дед, младший сын семьи, не переехал в Рио, чтобы покорить столичный рынок кофе. К сожалению, ему это не удалось. Помешали кризис, конкуренты и политика, так как дедушка был человеком весьма либеральных взглядов, искренним патриотом. Это ему всегда мешало в жизни. Зато именно в Рио ему довелось встретить свою единственную любовь, от брака с которой и родился мой отец. В канун смерти дед окончательно разорился, но отец сумел вывести нашу семью заново на прежний уровень, посвятив этому большую часть своей жизни. Основал новую компанию. Здесь на фазенде, тем временем, жили родичи, которые за неимением детей, в конце концов, и отписали её на моего отца.

– Который и в конце решил продать её, – покачала головой Мальвина. Она наслаждалась, слушая его голос, который всё больше и больше очаровывал её. Она была готова слушать его без перерыва, словно райскую мелодию.

– Да и по трём причинам. Во-первых, у нашей семьи никого не осталось из родственников в этих краях. Некому было смотреть за фазендой. Оттого-то и она была в таком состоянии. Мы же все родились в Рио, и нас с Ресифи связывали, пожалуй, воспоминания, когда мы проводили здесь школьные каникулы. Во-вторых, компании нужны свободные средства. В-третьих, политическая ситуация на Севере оставляет желать лучшего.

Они уже давно, не замечая времени, разгорячились обильной, вкусной едой и восхитительной «Мадейрой», которую он обожал. А доброе вино, как известно, не только располагает к тесному общению, но и открывает на сердце уснувшие чувства, особенно у женщин романтического склада. Конечно, Мальвина была верной женой и любящей матерью, и никогда не допускала даже мысли о супружеской измене. К тому же она была глубоко набожной женщиной, чтящей христианские заповеди, не пропускающей мессы. Библия и Евангелие с детства были её настольными книгами. В таком духе воспитала её тётя, сама ревностная католичка. Тем не менее, Мальвина уже с первого раза была очарована симпатичным кабальеро, сладко

говорящим сейчас. Но разум, воспитание, а ещё больше природная скромность, удерживали её от опрометчивых шагов. И как бы сейчас не была пьяна Мальвина, всё же ясно отдавала себе отчёт в том, что Жуану Педру она интересна не только как собеседница, но и как молодая женщина. Хотя, красавицей Мальвина себя никогда не считала. Мысленно она сопротивлялась его чарам, полагая, что держит ситуацию под контролем.

Однако Жуан Педру принадлежал именно к тому особому типу людей, обладающими искусством обольщения женщин безо всяких ухищрений. Такие мужчины, как правило, не бывают прожжёнными латиноамериканским мачо. Это уравновешенный тип уверенного в себе мужчины. Именно такой тип, не особо усердствуя, может покорить сердце любой женщины от скромной монашки до стервозной матроны. Этим-то они и привлекательны в глазах прекрасного пола. В них будто сидит бес, дьявол-искуситель, искушающий женщину одним взглядом. А затем, как ядовитый паук, безжалостно уничтожающий её в тенетах своих чар.

Прошло целых два часа после обеда, и Жуан Педру с Мальвиной незаметно для себя в разговоре перешли на «ты». Они никак не могли наговориться. У обоих было такое ощущение, словно они давно знакомы друг с другом. Однако они должны были скоро расстаться, как бы им этого не хотелось. Жуан Педру уже расплачивался по счёту с хозяином, когда в кафе захавшись, вошёл захавший за ними Жоао Ассунсау.

– Ради Бога, сеньоры, ещё раз извините меня за опоздание, пожалуйста, – отдышавшись, обратился он к ним, – Я заехал, как и обещал, но, к сожалению, у меня неприятное известие для вас, сеньор да Силва.

– Что ещё стряслось у вас, дон Жоао? Вас обманул очередной клиент? – пошутил, бывший навеселе Жуан Педру.

– Нет с делами, слава Богу, всё в порядке. Но синоптики обещали сегодня на вечер сильный ураган, и в связи с этим все авиарейсы отменены, а кораблям запрещено выходить в море. Так что вы сможете вылететь в Рио не раньше, чем завтра.

– Что поделаешь! Ничего страшного, так, я ещё дольше пробуду в вашем городе и поближе познакомлюсь с его самой красивой жительницей, вернее, гостьей из Сан-Паулу, – весело ответил он. Видимо, перспектива задержаться в Ресифи ещё на день не огорчила его, а Мальвина в это время густо покраснела. Естественный румянец делал её лицо ещё красивей, нежели дорогой макияж. Ведь природная красота, созданная Творцом намного лучше эффектного макияжа.

Жоао Ассунсау деликатно сделал вид, будто ничего не заметил и не услышал. В конце концов, лёгкий флирт или интрижка между ними, это их сугубо личное дело. Главное, платёжеспособные клиенты, решил он про себя. А Жуан Педру, любезно помогая Мальвине одеться, расплатился по счёту, и все трое вышли на улицу, где уже начинал моросить тропический дождь, переходящий в ливень. Тяжёлые тучи зловеще обволакивали небо, обещая грозу. Машина с пассажирами выехала в сторону центра города. Жуан Педру вышел у входа отеля «Jangadeiro». Захмелевшую Мальвину Жоао отвёз домой.

Человек существо разумное, однако, как бы, ни старался во многом покорное госпоже Судьбе, которая и определяет линию нашей жизни с самого момента появления на свет божий. Жуан Педру и Мальвина и в мыслях не предполагали, чем через много лет закончится для них обоих это романтическое знакомство, и какую роковую роль она сыграет в их судьбах и в судьбах их потомков. Судьбах, с этого дня тесно переплетённых навеки самим Провидением вне зависимости от их воли и желания.

Глава II

Как и обещали синоптики, погода действительно резко ухудшилась. Бурный тропический ливень вкупе с грозой и штормом, возвещали людям об окончании осени и скором наступле-

нии зимы. В Бразилии, как и во всех странах южного полушария наша зима соответствует лету в северном, то есть июль считается там разгаром зимы. Чем ближе к линии экватора, тем зима бывает тёплой, а холодную сухую погоду сменяет обилие осадков и господство прохладных муссонов. В это время года выпадают ливни. И почти непрерывно, то слабея, то усиливаясь, дует влажный океанский ветер. В прибрежных районах Атлантики для поздней осени характерны не столько обилие ливней с грозами, сколько засилье прибоев. Тропические грозы, сопровождающиеся раскатыстыми молниями, бывают здесь устрашающими, а бурные ливни ужасающими. Земля не успевает полностью впитать в себя всю обильную влагу дождей, что губит ценный урожай, сильно вредя хозяйству. Поэтому местные земледельцы не жалуют этот сезон, особенно переходной период от конца осени к началу зимы, называя его мёртвым сезоном.

Пожалуй, Мальвина была единственным человеком во всём Ресифи, кто в душе радовался этой резкой перемене погоды. Её радовала не сама гроза с ливнем, а связанная с нею отмена всех авиарейсов, благодаря чему увеличилась вероятность ещё одной встречи понравившимся ей Жуаном Педру. Но её сейчас одолевали смутные сомнения, и она чувствовала себя так, будто последние события происходили не с ней, а с кем-то другим.

Мальвина ощущала себя словно обожженной после удара током. Так, в первые доли секунды после удара тока человек ощущает шок, не чувствуя боли, которая появляется постепенно с нарастающей силой, пока целиком не овладевает всем организмом. Так и Мальвина в первый миг знакомства ощутила симпатию к Жуану Педру, которую и симпатией то назвать сложно. Потому что он был первым и единственным мужчиной в её жизни, который отличался ото всех и, который сумел заинтриговать. И она с долей ужаса, смешанного с сильнейшим природным инстинктом тянулась к нему. Ей нравились не только внешность и манеры, но и всё в нём. По наивности она не замечала в нём естественных для любого индивида недостатков, и даже во сне не могла предположить, что Жуана Педру в ней интересует ровным счётом ничего, помимо женского обаяния, что у него могут быть совсем иные намерения, продиктованные тем же инстинктом. Но воспитание не давало окончательно утонуть в водовороте страстей. Вся беда была в том, что она сама не знала названия своему чувству, не знала, поступает ли она по совести, как быть дальше. Всё происходило слишком неожиданно, слишком быстро и впервые в жизни.

Весьма противоречивые чувства распирали нынче её доверчивую душу. Сердце разрывалось между верностью мужу и непонятно откуда нахлынувшим потоком чувств к этому сильному и благородному в её представлении мужчине. Её будто магнитом влекло к нему. Она не могла даже самой себе объяснить, что, в конце концов, происходит с ней в последнее время, что творится в её душе, и что она испытывает к этому человеку. Встреча с Жуаном Педру за короткое время смутила покой размеренного бытия, ворвавшись подобно урагану в её жизнь.

С молодых ногтей воспитанная в глубоко католическом духе, Мальвина была искренне убеждена в том, что замужество, брак, это некое священное таинство, исходящее прямо из небес, и что муж для жены, прежде всего, бесспорный владыка. Измена супругу по её твёрдому убеждению было наивысшим пределом святотатства. Особенно, считала она, что это большой грех для матери. Однако мир стремительно меняется, а вместе с ним меняются и самые стойкие убеждения людей. Меняются даже незыблемые ценности.

Сейчас Мальвина, смотрящая на чужих мужчин сквозь библейскую призму, подсознательно чувствовала, что не просто симпатизирует ему. Она невольно ловила себя на грешной мысли, что постоянно думает только об этом человеке. Увлечение, лёгкий флирт на стороне были чужды её натуре. Она всегда признавала только чистую, глубокую любовь. Однако очень скоро Мальвина с ужасом поняла, что природный зов сердца пересилил в ней все привитые ей моральные догмы супружеские обязанности. И сердце безнадежно проигрывало борьбу самой большой в её жизни любви. Самое ужасное было то, что она никак не могла, вернее, не стара-

лась выбросить его из головы. Хотела, силилась, и в то же время не хотела думать о нём. Порой Мальвина искренне желала, чтобы Жуан Педру исчез и не появлялся бы на свете, она задыхалась от тоски, вспоминая его голос, его глаза, его пожирающий, будто магнетизирующий взгляд серых очей из-под густых бровей. Жуан Педру был воплощением её юной мечты, сказочным принцем на белом коне, издавек явившимся за ней. Он напоминал благородных героев из романов, во множестве прочитанных ею в юности. Годами этот герой снился ей ночами, и она с замиранием сердца ждала именно прекрасного принца.

Что касается самого прекрасного принца, то в этом случае всё было гораздо проще. Разумеется, Мальвина была не первой и не последней женщиной в его жизни. Целомудренное воздержание было априори ему чуждо, и брак отнюдь не являлся для него неким таинством, освящённым Господом. Понятие супружеской верности напрочь отсутствовало в словаре его жизненных принципов. Да, он не был прожжённым бабником, бегающим за каждой юбкой или мажором из богатой семьи, который легко притягивает к себе длинноногих пустышек. Но, он был тем редким типом мужчин, которые не просто умеют быстро влюбить в себя женщин, но и заставляют сходить по ним с ума. Вначале женщина думает, что просто увлеклась им, но постепенно настолько привязывается к нему, что уже не бывают в состоянии выпутаться из тенет его обаяния. Приятная внешность, внутренняя сила, мужской характер, подвешенный язык с ровным тембром чуть хрипловатого голоса, и пронизывающий кремнистый блеск серых немигающих глаз, омутом притягивали к себе женщин. Он умел без особого труда быстро находить общий язык и с набожной монахиней, и с кокетливой студенткой, и с избалованной сеньоритой из высшего света, и с девчушкой, и со старушкой, и с женщиной из простонародья. Словно, он обладал особым ключом, отпирающим тайные замки женских сердец. Разумеется, прекрасно знал себе цену, и во взаимоотношениях с дамами безбожно пользовался своими достоинствами.

Но в его глазах Мальвина всё же отличалась от всех женщин, которых он до сих пор встречал. Потому что те особи женского пола, походили на наряжённых смазливых кукол, пустых изнутри, тысячами выходящих из-под заводского конвейера. Обычно с такими, он встречался не более месяца. Эти романы всегда происходили по накатанной схеме: знакомство – первая встреча с поцелуем – ужин в недорогом ресторанчике и секс в мотеле – разлука без объяснения причин. Всю эту череду объединяли отталкивающая порочность и душевная никчёмность.

Мальвина была противоположностью им. Несмотря на короткое знакомство, он уже успел заметить про себя, что она совершенно из другой, редкой породы женщин. И это вызывало в нём особый интерес, смешанный с неподдельным уважением. В ней было то неповторимое обаяние, тот чистый блеск волшебных глаз, та пленяющая улыбка, и та простота наивной души, которых не было у других женщин, и которые успел быстро оценить в ней Жуан Педру. Всё-таки, несмотря на молодой возраст, Жуан Педру был достаточно проницателен, неплохо разбирался в людях. Она ему тоже очень понравилась с первого взгляда. Естественно, он решил ею завладеть.

Хотя он был женат и от брака имел пятилетнего сына, но жена, как женщина уже давно его не интересовала. Да и женился-то он на ней только по расчёту, как сам честно признался в этом. Мария Баррейру да Силва была единственной дочерью богатого судовладельца, президента торговой компании. Потому супруга служила ему исключительно для увеличения состояния и продолжения рода. Другими словами, для выполнения репродуктивной функции, для которой по его убеждению и созданы женщины. Может быть, поэтому в случае знакомства с очаровательной доньей Мальвиной, сеньор да Силва впервые испытывал некое чувство, почти похожее на любовь. Или скорее на искреннюю симпатию. В то же время он страстно желал её как женщину, желал её как никого никогда. Желал звериной страстью. И со временем это чувство в нём будет всё расти и расти. Настоящее чувство любви было незнакомо его циничной,

расчётливой натуре. Но сердцу не прикажешь, а фортуна – вещь упрямая. Сейчас, стоя под тёплой струёй воды в ванной номера отеля он не переставал думать о Мальвине.

Мальвина Алмейда в это время сидела у окна в квартире тёти, и со скучающим видом уныло глядела на утреннюю суету дождливой улицы, когда в прихожей неожиданно зазвенел телефон. Тётя подняла трубку и с недоумением на лице протянула её подошедшей Мальвине. Это был Жуан Педру, приглашавший её встретиться и вместе позавтракать в ресторане отеля, где он сам остановился. Мальвина была вся вне себя от радости, и так засияла счастьем, что от прежнего уныния на лице не осталось ни следа. Словно, это был тот момент, которого она ждала всю вечность. И она быстро начинает переодеваться, в спешке объясняя удивлённой тётушке Алисии какую-то детскую отговорку про забытую книгу в магазине. Не осмелится же она признаться любимой тётушке, что встретила прекрасного незнакомца. Как объяснить ей всё это, да и поймут ли её, как и она сама себя сейчас. С этими мыслями надев лучшее платье из голубой парчи, и нанеся на лицо умеренный макияж (она никогда не злоупотребляла косметикой), торопливо выбегает из дома, чуть не сломав по дороге каблук, и на первом же попавшемся такси мчится на свидание.

Правда, перед самым выходом из дома Мальвина снова, уже в который раз засомневалась в своём решении. Сомнение это было продиктовано скромностью и верностью священным в её представлении семейным узам. В колебании она даже стала снимать с себя обувь, как перед её взором вновь проплыл волнующий образ, а маленькие ушки так и защекотало от воспоминания его хриповатого голоса. Это пересилило все доводы в помутневшем сознании, и она решительным шагом вышла из дома. Всё-таки, чтобы успокоить совесть, Мальвина про себя решила про, что это будет дружеская встреча и только, чтобы показать окрестности, то есть выполнить обещание, данное ею вчера за обедом Жуану Педру. Здесь нет ничего дурного, решила она, успокоившись при этой мысли. Однако для кого-то к сожалению, а для кого-то к счастью, но в этой жизни редко кому удаётся устоять перед силой чувств. Мало кто может этим похвастаться. Неискушённая Мальвина старалась всеми силами стать исключением из этого правила.

Утром в ресторане отеля «Jangadeiro» бывало мало посетителей. Ресторан примыкал к основному холлу отеля. Сквозь застеклённые стены можно было увидеть находящихся людей. Кто-то заполнял анкеты у стойки администратора, кто-то заходил либо выходил из вращающихся стеклянных дверей с багажом на руках, кто-то говорил по телефону, а носильщики в униформах едва успевали тащить за собой тяжеленные баулы прибывающих сюда гостей. В отличие от холла в ресторане было тихо, и посетителей можно было пересчитать по пальцам.

Один из них, выделяясь крепким торсом и жестами привыкшего повелевать господина, сидел за крайним пустым столиком, допивая свой чёрный кофе без сахара. Он был подчёркнуто элегантен, безупречно одет и старался не выдавать своего нетерпеливого ожидания. Чувствовалось, что он с нетерпением кого-то ждёт, то и глядя на швейцарские часы марки «Swatch», красиво смотрящихся на загорелой руке. Наконец, он, улыбаясь, чинно встал из-за столика и зашагал в сторону открытых дверей, потому что там показалась Мальвина.

В голубом платье с декольте, чуть выше колен, с бежевой накидкой на плечах, с финишковыми волосами, аккуратно уложенными ярко-голубым ободком, на туфлях-шпильках, вся нарядная, она смотрелась сейчас просто изумительно. Ослепительная улыбка, взгляд исподлобья делали её настоящей красавицей.

Они великолепно провели весь день, наслаждаясь взаимным общением. Ведь человеческое счастье так уязвимо. Несмотря на пасмурную и дождливую погоду, эта красивая пара сполна успела вкушать прелесть от взаимного общения, и получила возможность ещё поближе

узнать друг друга. Неподдельное счастье читалось на их довольных сияющих лицах, особенно у Мальвины.

Таким образом, встреча, произошедшая в понедельник 12 мая 1969 года на берегу Атлантического океана близ города Ресифи, начавшаяся знакомством, постепенно перерастала в любовь. Они влюбились друг в друга с первого взгляда. Скорее, влюбилась Мальвина. Хотя и Жуан Педру тоже испытывал к ней чувство, которое он для себя охарактеризовал как просто влюблённость. Однако Мальвина, несмотря на чувства, грозящие в очень скором времени перерасти из симпатии в эмпатию, всё же не давала Жуана Педру лишнего повода для более настойчивых ухаживаний. Хотя и тот тактично, но недвусмысленно намекал ей об этом в ходе всей встречи. А погода, словно сговорившись, начала смягчаться, ливень прекратился, а облака стали плыть обратно в сторону океана. Будто природа давала им шанс побыть наедине, сполна ощутить всю романтику и непередаваемый вкус первых свиданий влюблённых.

Позавтракав, молодые люди в течение нескольких часов совершают пешую прогулку по городу, где Мальвина, с увлечением войдя в роль гида, знакомит своего спутника с местными достопримечательностями. Ресифи и вправду заслужил своё название «бразильской Венеции». Мосты, каналы, старинные здания придавали ему особое очарование, ту неповторимую ауру, которую можно ощутить только в оригинальной Венеции. Красивые постройки колониальной архитектуры, прекрасно сохранившиеся за века, в том числе и церковь Сан-Педру-душ-Клеригаш, построенная в стиле барокко, Золотая Капелла, монастырь Сан-Франсиску, парк араукарий на речке Капибериби и бульвар на набережной Санту-Антониу в тот день заново в другом свете открылись для Жуана Педру. Фазенды трёхвековой давности с колоннами, верандами, широкими лестницами и внутренними дворами – патиу, не могли не вызвать интереса.

Начитанная, очень любившая и прекрасно знавшая каждый уголок родного города, Мальвина с увлечением рассказывала Жуану Педру обо всём интересном, что они видели по пути. Она так красиво преподносила всё увиденное, что он невольно восхищался её эрудицией, её любовью к родному городу. Её глаза сияли, а голос преображался, когда она доходила до очередного пункта их своеобразной экскурсии по городу. Её любимому городу, где она знала каждую улочку. А ему было интересно слушать её весьма занимательное повествование, похожий на пение канарейки голос. Мальвина была горда, что может показать приезжему из Рио свой город. Удивить его тем, чего он ещё не видел.

Приезжий же всё это время, несмотря на довольно-таки вялое сопротивление, уверенно держал её руку. А когда они оба сели передохнуть и поесть мороженого в кафе напротив театра Санта-Исабел, Мальвина в пылу разговора уронила себе на руку кусок мороженого. Ловко воспользовавшись моментом, Жуан Педру поднёс руку к себе, и одним духом проглотив упавший кусок, поцеловал, смутив её. Однако она была так им очарована, что любой его взгляд, любое его слово, каждое прикосновение окрыляли её, возвышая на пик блаженства. Порой ей чудилось, что всё это сейчас происходит во сне, и она пугалась от одной лишь мысли, что её сладкий волшебный сон в любой миг может превратиться в явь. Иногда она даже незаметно щипала себя в бок, дабы удостовериться в реальности происходящего. Впервые со дня замужества, Мальвина так хорошо чувствовала себя, забыла обо всём на свете, и даже о моральном долге, о своих супружеских обязанностях. Пожалуй, никогда ещё в своей жизни Мальвина не была так счастлива, как сейчас.

Когда день начинает клониться к закату, солнце постепенно опускается за морем кофейных плантаций на западе, Жуан Педру настойчиво просит Мальвину в последний раз показать уже проданную фазенду, с которым у него были связаны счастливые воспоминания детства. По возвращении он довольный, чуть усталый от долгой, но приятной прогулки, неожиданно останавливается на грунтовой дороге возле кофейной плантации, и начинает с упоением вдыхать терпкий, запоминающийся аромат листьев любимого напитка.

Кофе для бразильца – это как чай для азербайджанца. Невозможно представить жизнь бразильца без этого напитка, по праву заслужившего звание национального. Он входит в повсеместный рацион бразильской кухни, став её неотъемлемой частью. Притом настолько, что даже слово завтрак в переводе с бразильского варианта португальского языка означает – утренний кофе (*café da manhã*). Неслучайно, что в окрестностях города простирались большие кофейные плантации, застилающие горизонт.

Буро-красная почва под ногами поднимала лёгкую пыль, оседавшую на листьях кофе и одеждах влюблённых. Огненные лучи осеннего заката красными зайчиками играючи отражались на листьях. Вокруг всё было наполнено гармонией, и плантация нынче казалась блаженным уголком на краю света. Жуан Педру ныне испытывал ни на что не похожее чувство удовлетворения, упоения природой и счастьем от видения всего этого. И на один миг ему даже показалось, что он достиг вершины желаемого, и ему сильно захотелось остаться прямо здесь, навсегда, рядом с Мальвиной. Такого с ним ещё никогда не бывало.

До этого момента он десятки раз проходил мимо этой плантации, и как ни странно, ни разу не замечал этого благоухающего аромата. Теперь же он бесконечно удивлялся тому, как он не мог раньше созерцать всё великолепие этого вроде бы простого, но на редкость умиротворяющего душу пейзажа. В эту минуту всё его существо было переполнено огромной любовью ко всему живому на свете. Его душу обуревала нежность, а тело охватила никогда доселе невиданная страсть. Набывчив голову, сузив глаза, он тяжело, порывисто задышал. Неожиданно, он резко обернулся к молча стоявшей рядом Мальвине, и обняв её, жадно впился в её алые губы страстным поцелуем. В эти губы, в этот прекрасный плод, который он так страстно желал все эти два дня. Даже не пытаясь как-то отстраниться, она тоже с робостью слегка обняла его, и несколько бесконечно долгих секунд они простояли вот так, тесно прижавшись, друг к другу. Двойные слои одежды на каждом из них не мешали чувствовать гулкие биения их сердец. Кругом весело щебетали птицы, откуда-то издали доносился залиvistый собачий лай, и от мощного дыхания самой природы, словно вздымалась земля у них под ногами. Когда они разжали объятия, Жуан Педру тихо признался Мальвине в любви, и заметил слезинку на длинной реснице красавицы. Счастье, безбрежное счастье озарило лицо Мальвины, и она ещё долго не спускала своих прекрасных глаз с молодого человека. Ей снова показалось, что он её избранник навеки, что она ждала его все эти годы, что давно уже знала, слышала этот неповторимый голос, видела это лицо, этот незабываемый облик. Она нашла своего рыцаря, и жизнь для неё обрела совсем иной смысл. Будто в этот миг она заново родилась на свет божий. В этот миг Мальвина начисто забыла о своём замужестве, о материнстве, и хотела, чтобы время сейчас остановилось. В это мгновение Мальвина чувствовала себя вне земной цивилизации, вне своей телесной оболочки. Оба не могли опомниться от поцелуя, и, прощаясь, обещали друг другу встретиться. Вернее, обещал только Жуан Педру.

Однако, несмотря на одержанную здесь амурную победу, в Рио Жуан Педру вёл приятное знакомство с парой хорошеньких девушек, в их числе с смазливой секретаршей отца – Жулией, которые не заставляя себя долго упрашивать, и не особо мучали отказами молодого сеньора. Да и вообще, в плане знакомств с женщинами у него не было никаких комплексов и никогда не возникало особых проблем. Брак, к которому он относился скорее, как к необходимой, но неприятной стороне своей жизни, нежели, как к серьёзной, ответственной миссии, как было выше сказано, не был для него какой-то непреодолимой помехой, дабы заводить связи на стороне. Благо, в Бразилии хватает красивых и одиноких или же просто охочих до любовных приключений, страстных женщин. И поэтому спустя несколько дней он уже всё меньше и меньше думал о Мальвине. Через некоторое время он вообще о ней забыл.

Но судьбы человеческие свершаются не сразу и не вдруг, и никому из нас не ведомо, какому из множества его случайных поступков суждено в грядущем дать ростки, почки, ветви. Никому и в голову не могло прийти, что нежному поцелую, которым обменялись влюблённые

возле кофейной плантации, суждено будет в один прекрасный день через много и много лет прославить их имена на весь свет, а их самих сделать самыми несчастными людьми на этом свете.

Глава III

Звёздное небо тёмным покрывалом окутало иллюминатор самолёта, летящего ночным рейсом из Ресифи в Рио-де-Жанейро. На толстом стекле иллюминатора отражался мутный отсвет от лица одного из пассажиров, развалившегося в удобном кресле, но так и не сумевшего уснуть посреди ночи. Лететь было ещё целых два часа. А сидящий, вернее, спящий в соседнем кресле около него тучный пассажир, католический священник высокого ранга, судя по чёрной сутане и красной мантии, своим храпом окончательно развеял последний шанс хотя бы вздремнуть. Но Жуан Педру не огорчился, так как привык переносить бессонницу.

Храпевший, как церковный орган сосед своим внешним видом чем-то напомнил ему друга из детства, тоже священнослужителя, некоего Лукаша Галвау. Такой же рост, такие же светлые и кудрявые волосы, белая кожа, круглое лицо, и такая же манера храпеть. Они уже много лет не виделись, с тех пор, как Лукаш, окончив духовную семинарию, переехал из Рио. Он вспомнил Лукаша и ещё раз Мальвину, даже не подозревая какую роль оба сыграют в его жизни.

Самолёт, прилетевший из Ресифи, удачно приземлился рано утром в Рио в аэропорту внутренних авиалиний «Сантус Дюмонт». Стойка для пассажиров в зале ожидания была переполнена народом. В толпе, среди встречающих пассажиров людей, стоял крепкий парень маленького роста с курчавыми чёрными волосами, со смуглым почти коричневатым лицом. Его маленькие и узковатые глаза пристально всматривались в тесный ряд прибывающих в зал пассажиров, напряжённо ища кого-то одного из них. Это был Виктор Мейра – водитель семьи да Силва, уже четвёртый год работавший в их доме, и живший в специально отведённом ему комнате для прислуги. Виктор уже целый час ждал Жуана Педру, чтобы отвезти его не домой, как обычно, а в офис к отцу. Он был привычно одет в чёрное. Короткие руки судорожно дёргались в карманах кожаной куртки. По выражению недалёкого лица было заметно, что он доволен работой.

Внезапно Виктор вздрогнул, будто от удара током, почувствовав на плече чью-то тяжелую руку. Жуан Педру, несмотря на ночной перелёт выглядел бодрым. После короткого приветствия, он, слегка улыбнувшись, обратился к всё ещё перепуганному бледному шофёру:

– Как всегда зеваешь, Виктор. Нельзя так, ведь ты ещё и мой телохранитель, – пошутил он, ибо импровизированный телохранитель был, как минимум вдвое меньше ростом и габаритами своего босса. – Как ты?

– Всё хорошо, сеньор да Силва. А вы как долетели? Как себя чувствуете?

– Не жалуюсь. Просто не смог прилично отоспаться в самолёте.

– Наверное, в самолётах неудобно спать, – рассудительно предположил он.

Они с багажами в руках прошли через зал ожидания, вышли на автостоянку, где уселись в белый «Мерседес-300», принадлежавшей отцу Жуана Педру. Причём, Жуан Педру сел не на заднее сиденье, как, обычно полагалось патрону, а устроился рядом с водителем. Он избегал лишних помпезностей и был лишён тщеславия. Жизнь в Соединённых Штатах, где в силу господства протестантской этики, условностям вроде субординации между начальством и подчинёнными не придаётся такого значения, как в странах католического мира, и где отношение к человеку строится вне зависимости от его социального происхождения, научила его всегда быть корректными с подчинёнными. Ценить их, прежде всего за добросовестное отношение к труду и стремление к саморазвитию. В его представлении любой индивид, независимо от ста-

туса может достичь высот в жизни, благодаря силе воли, труду и стремлению совершенствоваться.

Хотя реалии тогдашней (отчасти нынешней) Бразилии, исключавшие равные возможности для граждан, а также ощутимое различие в статусе между белым и цветным населением препятствовали этому. Невозможно было войти в сливки общества, игнорируя эти неписанные правила.

Через несколько секунд машина рванула с места, выехала на широкую трассу, ведущую прямо в центр города. В дороге они сразу разговорились. Обычно немногословный Жуан Педру теперь оживлённо беседовал с шофёром. Вернее, расспрашивал его. Виктор был типичным деревенским трудягой, болтливым и недалёким. Но он отличался дисциплиной и преданностью, качествами ценными для представителя служащего персонала. Он точно выполнял свою работу, чем и вызвал к себе уважение членов семьи да Силва, в том числе и Жуана Педру.

– А здесь не так пасмурно и влажно, как на севере. Ты, кажется, тоже родом из Ресифи. Не так ли, Виктор? – поинтересовался он.

– Нет сеньор, я из Сеары, маленького посёлка близ Форталезы. Но работал некоторое время в Ресифи, до того, как переехал сюда и устроился к вам, благодаря тёте Аражарир и, конечно же, дону Жуану Антониу.

– Кстати, как здоровье домашних, Виктор? Какие новости из дома?

– Все в добром здравии, слава Богу. Дон Жуан Антониу, как всегда, много работает и редко бывает дома. Сеньоры Жоаким и Оливия с детьми уехали на два дня в Кампус. Сеньорита Мануэла превосходно себя чувствует и продолжает встречаться с сеньором Рикарду, а сеньор Жозе усердно готовится к экзаменам. Весь день только и делает, что читает и готовит уроки. Все в семье надеются, что он успешно сдаст их и поступит в университет, дай и то Бог!

– Молодец Жозе! Ему надо и дальше прогрессировать. Скажи-ка мне, пожалуйста, Виктор. Почему вдруг ни с того ни с сего отец зовёт меня из аэропорта прямо на работу? С чего вдруг такая спешка, а? Ведь я не успел даже с дальней дороги прийти домой, встретиться с семьёй, да и вообще, привести себя в порядок.

– Право я ничего не знаю, сеньор. Наверное, из-за каких-то неотложных дел, – чуть замямившись, ответил шофёр. Заметивший это Жуан Педру, подозрительно косясь, спросил:

– Ты явно чего-то недоговариваешь, Виктор. Я хорошо знаю отца. Он никогда не станет просто так срочно звать меня прямо с дороги на работу. Скажи мне, в чём дело? И не пытайся обмануть меня, ведь я же знаю, что ты всегда бываешь в курсе домашних дел. Что случилось?

– Я действительно честно вам говорю, – с плохо скрываемым смущением начал бормотать водитель. Любитель поболтать, Виктор, теперь словно проглотил язык. Сейчас он буквально с трудом выдавливал из себя слова, как старая больная кляча, изрыгающая из себя лишний овёс, чтобы не подавиться ненароком, – Я на самом деле ничего не знаю. Просто дон Жуан Антониу вчера приказал мне передать вам, чтобы вы...

– Не увиливай от ответа Витиниу, – жёстко перебив, начал нажимать на него Жуан Педру. – Я-то прекрасно знаю, что ты всё знаешь, и это братьям и сестре ты можешь вешать на уши лапшу, а мне никогда. Давай Виктор, быстро говори, в чём дело? Что случилось с папой? Да и что, вообще, тут происходит, чёрт возьми?! – начал терять он терпение.

Сеньор да Силва посмотрел на побледневшего шофёра. И от пристального взгляда серых немигающих глаз у несчастного Виктора волной побежали мурашки по коже, а на лбу стал выступать холодный пот. Простодушный Виктор не умел лгать и, в конце концов, сдался нажиму. Глубоко вздохнув, он начал:

– Умоляю вас, сеньор, только, пожалуйста, никому ни единого слова, очень прошу вас, никому, – взмолился шофёр, – Дон Жуан Антониу настойчиво просил меня пока не говорить вам ничего, и я сам не знаю, зачем он так сказал. Вчера вечером, когда я отвозил его с работы домой, он был какой-то невесёлый, можно сказать, даже печальный, и почти всю дорогу угрюмо

молчал. Думал о чём-то. Затем уже, когда мы стали подъезжать к вашему дому, он вдруг приказал мне завтра утром отвезти его к дону Леонсиу, а потом сразу поехать в аэропорт, встретить вас там. После этого привести вас к нему на работу, потому что по его словам, у него будет разговор с вами. Разговор это срочный, не терпящий отлагательств, как он мне сам сказал. Сеньор да Силва будет там вместе с доктором через час, и там же их сейчас ожидает сеньор адвокат.

– Терпеть не могу этого жирного адвоката, – нахмурился Жуан Педру, – У отца, что проблемы со здоровьем? Не вздумай скрыть от меня, Виктор!

– Подозреваем, что да сеньор. Вот уже несколько дней после обследования в клинике у сеньора Санпайо, он всё время ходит без настроения. Я пока ещё точно не знаю, но, кажется, он очень болен, и врачи ему поставили нехороший диагноз. Об этом пока никто из членов семьи не знает, кроме вас, сеньор. А ведь дон Жуан Антониу выглядит таким цветущим, дай и то Бог ему крепкого здоровья и долгих и долгих лет жизни.

– Странно, что же он хочет мне сказать, в какую тайну посвящать, чего не должны слышать Жоаким с Мануэлой, а услышат его давние друзья, этот адвокат и доктор. Не нравится мне всё это, Виктор.

– Я тоже не всё понимаю. Как-то странно всё это. Только ещё раз очень прошу, умоляю вас сеньор, никому ни слова, а то меня выгонят с работы, пожалуйста!

Жуан Педру нахмурился, погрузившись в размышления. Его омрачила сейчас не столько неизвестная болезнь отца, сколько могущий неожиданно встать вопрос о наследстве, о компании. Будучи от природы честолюбивым прагматиком, Жуан Педру да Силва был ещё и циничным, жестоким и целеустремлённым человеком, не гнушающимся действовать любыми средствами. Для него не существовало никаких преград. И ради достижения своей цели этот сеньор был готов перешагнуть через любого, даже родного отца, и при этом он, как правило, достигал своего. Этим он ещё с детства разительно отличался от своих братьев и сестры. Огромная любовь к власти и страсть к стяжательству, но ещё больше маниакальное желание управлять людьми, вершить чужие судьбы, скрытые под маской обходительности были отличительными чертами натуры, перевешивая в нём положительные качества. Власть и деньги были сутью его существования, ради коих он переключился на отцовский бизнес, где рассчитывал разбогатеть, возглавить компанию. А в перспективе основать собственную бизнес-империю на базе компании. В самой компании он показал себя с лучшей стороны, талантливым руководителем, блестящим организатором, толковым сотрудником, быстро освоившим чуждую специфику работы. Здесь он заслужил репутацию требовательного босса и беспощадного конкурента.

Теперь его мысли были направлены на отцовское наследство. Отца и брата Жоакима он никогда особо не любил, а при мысли, что основными наследниками являются Жоаким с сестрой Мануэлой, то его неприязнь к ним ещё больше увеличивалась. К тому же на авансцене был жених Мануэлы Рикарду Диаш – крупнейший акционер их компании. Тот через свою невесту постарается прибрать к рукам их семейное состояние, присоединив к своей корпорации, что и он потихоньку начинает делать, пользуясь слабованием брата и глупостью сестры. Мануэла просто без ума от этого прохвоста. Верно говорят, бабы глупы, как курицы, мозги у них птичьи. Думают лишь сладким местом, и на уме только одно... Со стороны собственной жены, дурочки Марии, ему палки в колёса будет ставить её родной брат, мерзкий тип, негодяй, Рожериу Баррейру, тоже их акционер и к тому же друг Рикарду. Таким образом, если отец скончается, подкаблучник Жоаким вместе с Мануэлой будут, всего лишь игрушками в руках Рикарду. Как и его тупой прихвостень Рожериу. Если, конечно, кузен Рикарду, богатый финансист города Роберту Перейра не вступит в самостоятельную игру, потребовав свой кусок пирога. Это более чем вероятно. Кстати, сейчас он самый крупный акционер после отца, и, разумеется, Рикарду постарается договориться с ним не в мою пользу. Если уже не начал. Итак, враг номер один –

это Рикарду Диаш. А затем Роберту и Рожериу. Жозе не поддержка в таких делах, да и какая от него поддержка с одним процентом акций на руках и плюс моими тремя. К тому же Рикарду со своим богомерзким кузеном ничего не стоит выкупить акции у остальных пайщиков. Учтивая их деньги и связи в верхах, будет это для них несложно. И вся расстановка сил пока ещё не в мою пользу, к сожалению. Я рискую оказаться за бортом. Надо начать действовать мне на опережение уже сейчас, не дожидаясь оглашения завещания (одному Богу ведомо, что за сюрприз в последний момент выкинет этот выживший из ума старик). Хорошо бы мне лично ознакомиться с содержанием этого проклятого завещания. И чем быстрее, тем лучше. Надо тут задействовать Жулию. Она до сих пор ни в чём мне не отказывала... В любом случае, даже если старик и выставит меня в аут, то к этому уже с сегодняшнего дня надо подготавливаться. Чтобы не остаться у разбитого корыта. Можно опротестовать, оспорить его завещание или действовать так, как покажет стечение обстоятельств. С этими мыслями он и не заметил, как они подъехали к невысокому зданию на авениде³ Риу Бранку.

Глава IV

Рио-де-Жанейро или же сокращённо просто Рио – бывшая столица Бразилии расположен в одном из красивейших уголков планеты на океанском побережье, и является действительно одним из самых чудесных мегаполисов не только Латинской Америки, но и всего мира. Он занимает холмистый мыс, закрывающий вход в живописную бухту – Гуанабара. Живописность городу придают круто поднимающиеся, покрытые лесным массивом холмы, образующие горную цепь. Эта горная гряда Серра ди Кариока разделяет город на части: северную и южную. С вершины горного пика Корковаду, с расположенной на ней величественной статуей Христа Спасителя с широко распахнутыми, словно готовящимися обнять город руками, открывается восхитительная панорама всего города, включая даже районы трущоб бедняков – фавелаш, беспорядочно облепивших склоны. От возвышающейся над городом и заливом пика Сахарной Головы (Пау ди Асукар) отчётливо виднеется самый большой пляж в мире – Копакабана, и охватывающая её дугой авенида Атлантика, являющейся гордостью и барометром жизни города.

В Рио-де-Жанейро много зелени, скверов и парков. Популярным местом отдыха горожан был в те годы остров Пакета в зоне бухты, откуда открывался вид на деловые районы города, выделяющиеся небоскрёбами широкие авениды Варгаса и Риу Бранку, а также на Национальный парк Тижук. В южной части города на стыке Копакабаны с парком Тижук, близ озера Родригеш Фрейташ располагался престижный район Ипанема. Здесь на втором ярусе стеклянного небоскрёба, на авениде Риу Бранку находился скромный офис компании по производству натуральных соков из фруктов «Силва Фрутас Компания» или «Силва» по фамилии основателя. Офис занимал половину этажа, помещение общей площадью всего в шесть комнат. Самую большую занимал кабинет президента, выходящий окнами прямо на одноимённый пляж Ипанемы.

В кабинете президента было тихо и спокойно. За массивным столом грузно восседал пожилой мужчина лет примерно шестидесяти невысокого роста, но внушительной осанки с массивной нижней челюстью и нечистой смугловатой кожей. Порядком облысевший с редкими седыми волосами, с толстым носом на пухлых щеках, он печально и внимательно рассматривал большими глазами сидящих за столом двух мужчин. Глубокие морщины на лбу, складки вокруг губ свидетельствовали о тяжёлой, полной невзгод, суровой молодости. Было видно, что

---

³ Aveinda – проспект, по-португальски

этот сеньор немало повидал на веку, но упорный труд и целеустремлённость выковали его в жизни, проложили тернистый путь к светлому будущему. Ибо, всё, что окружало его сейчас, было творением его собственных рук, результатом многолетних трудов и страданий. И он по праву гордился всем этим. Жуан Антониу да Силва вздохнув, начал говорить:

– Сеньоры, более четверти века назад я с вами и покойным ныне тестем основали эту фирму – наше детище. Правда, с тех пор мы особо никогда не процветали, как бы нам хотелось, но наши дела сейчас идут неплохо. Всё то, чего мы совместно добились за это время, в этом есть, несомненно, и ваша заслуга, ваш неоценимый вклад. Вы оба всегда в самых трудных моментах поддерживали меня и мою семью. Но время не стоит на месте, и моё правление предприятием приближается к логическому финалу. Вы оба в курсе, что после обследования в клинике Леонсиу у меня выявлена злокачественная опухоль мозга. Хотя я и не смыслю в медицине, но отлично знаю, что с такой опухолью, как правило, долго не живут, она не излечивается даже в лучших клиниках мира. Так вот, мне осталось жить считанные месяцы. Это факт. За этот период я много чего смогу сделать, но ещё много чего не успею. Поэтому я пригласил вас, самых близких старых друзей, чтобы поделиться своими планами на ближайшее будущее, посоветоваться с вами, совместно решить некоторые волнующие проблемы. И в первую очередь меня беспокоит моя семья и вопрос об изменениях в моё завещание, сеньоры.

– Мы всегда готовы выслушать тебя и всячески помочь тебе, Жуан Антониу. Но что тебя конкретно беспокоит? – спросил огорчённый адвокат Жулиу Сезар Лопиш да Гама, который помимо давней дружбы, многие годы вёл юридические дела да Силва, был близок с их семьёй. Этот пожилой низкорослый сеньор был тучным мужчиной одинакового с Жуаном Антониу возраста. Густые волосы его поседели неравномерно. Белые пряди нелепо перемешались с чёрными, и издали он казался пегим, как конь. Тёмные, широко расставленные глаза на квадратном лице были живыми для своих лет, и замечали всё вокруг даже без очков. По характеру это был уравновешенный, разумный, честный и порядочный человек.

Противоположностью был, сидевший напротив, доктор Леонсиу Санпайо, один из лучших онкологов в городе. Это был длинный, тощий сеньор лет пятидесяти с нескладным телосложением, всклокоченными и жёсткими, как у негра, курчавыми волосами. Возможно, что среди его предков присутствовали и представители африканской расы. Костистый, черномазый, с вытянутым, очень длинным, как у старой лошади лицом и близко посаженными маленькими глазами, то и дело шмыгающий ноздрями, он на первый взгляд производил впечатление человека не совсем адекватного. Однако в своей профессии ему не было равных, да и как друг семьи, он был честным и отзывчивым человеком.

– Меня беспокоят, прежде всего, дети, особенно сыновья. После скоропостижной кончины Амалии они выросли на моих глазах, но без должного внимания. Ведь ничто не может заменить детям родную мать, а я сутками напролёт вкалывал, чтобы обеспечить им безоблачное будущее. Однако, к сожалению, упустил такой важный момент в нашей жизни, как их полноценное воспитание. И до сих пор виню себя в этом... Понимаете? Теперь они достаточно взрослые, но не доросли, к сожалению, до уровня, самостоятельного принятия решений, дабы правильно управлять нашим детищем. Боюсь, что они не смогут удержать в руках то, что я сам построил и чему я посвятил полжизни вместе с вами, друзья.

– Не надо винить себя в этом, Жуан Антониу. Ты всегда старался для них, и сделал всё, что в твоих силах, – поспешил успокоить друга адвокат, – По крайней мере, в этом твоя совесть чиста, и дети не могут упрекнуть тебя в том, что ты недостаточно о них заботился. Не забывай, что все они на моих глазах выросли, а для Жозе мы с Маисой крёстными родителями приходимся.

– Как же я могу всё это забыть, Жулиу Сезар? Но ты же не станешь отрицать, что правильное воспитание собственных детей не менее, а может и более важно, нежели обеспечение их материального благополучия.

– Жуан Антониу, извини, но в этот раз я целиком разделяю мнение нашего друга адвоката. Во-первых, приоритетная роль в воспитании детей принадлежит матери, хранительнице семейного очага. А твои очень рано её лишились, к сожалению. Покойная Амалия и вправду была прекрасным человеком. Она всегда понимала и поддерживала тебя. Кроме того, была близкой подругой наших Милены и Маисы. И нам ли её не знать? Царство ей небесное, – вмешался в разговор Леонсиу Санпайо, – Во-вторых, ты ни в коем случае не должен укорять себя. Поверь, материальное обеспечение семьи отнюдь не второстепенный вопрос, особенно в наше сложное время. Миллионы семей в нашей стране не в состоянии, да и даже не могут мечтать о том, чтобы дать своим чадам и десятую долю того, что ты дал за эти годы детям. У них не было никогда ни в чём недостатка. Даже в твои самые трудные времена. Они всю жизнь хорошо питались, одевались, развлекались, учились в лучших школах, а главное всегда и во всём были тебе послушны. Ты воспитал их в соответствии с этикетом приличного общества, привил им общечеловеческие ценности, что очень важно. Так что перестань изводить себя излишними упреками. Думаю, ты вполне можешь гордиться детьми.

– Да, может ты и прав, – грустно вздохнул Жуан Антониу. Речь доктора и его уверенный тон, его приободрили, – Мой первенец Жоаким добрый трудолюбивый парень и толковый специалист в своём деле, но этого мало. Ведь, что скрывать, мужчина, который в собственном доме находится под каблуком жены, вряд ли сможет достойно управлять подчинёнными. Это главное в нашей работе. Можно прекрасно знать производство, быть асом дела, но без силы воли, характера, личного авторитета, который начинается в семье, невозможно заладить механизм никакого дела. К огромному сожалению, он слабохарактерный и эмоциональный человек, находящийся под влиянием моей невестки Оливии. Она крутит его, как хочет, и всё ещё не выросла умом, не вышла из детства. И потому-то я решил оставить ему небольшую часть наследства и нынешний пост вице-президента.

– Это и будет твоим главным изменением в завещание? – уточнил адвокат.

– Потерпи немного, Жулиу Сезар, но у меня ещё есть планы относительно других детей, – ответил Жуан Антониу.

– Извини, продолжай, пожалуйста.

– Так вот, моя дочь Мануэла – девушка умная, разносторонне образованная и обладает целым рядом достоинств, чтобы помочь братьям в бизнесе. Но и этого всего тоже мало, сеньоры. Дело отнюдь не в том, что она просто женщина, никак нет. Жулиу Сезар может подтвердить, что в бизнесе, как и в любой иной сфере немало отличных руководителей и успешных бизнес-леди. Но проблема в том, что, во-первых, у неё нет опыта в делах, и она никогда в жизни не сталкивалась с профессиональными трудностями, да и вообще нигде по-настоящему не работала. Во-вторых, и самое плохое, что она безумно влюблена в этого прохвоста Рикарду Диаша, который мне не по душе, и который, кажется, никогда не пресытится деньгами. Этот тип ловко её окрутил, использует для достижения цели, а именно завладения нашим контрольным пакетом. К большому несчастью я никак не могу от него избавиться. Он выручил нас своим кредитом, не дав обанкротиться в прошлом году. Президентское кресло я решил номинально оставить Мануэле, но лишь с той оговоркой, что её будущий муж никогда не сядет на её место, даже после её смерти. Хотя считаю, что Рикарду будет всеми правдами и неправдами обойти эту оговорку. К тому же юридически это возможно, но нельзя допустить. Мануэле нужна будет помощь. И в этом ей будешь помогать ты, Жулиу Сезар.

– Обещаю и сделаю всё, что смогу, – пообещал сеньор Лопиш да Гама.

– Таким образом, – продолжал Жуан Антониу, – контрольный пакет будет разделён между моими детьми. По десять процентов Жоакиму и Мануэле, а по семь младшим сыновьям Жуану Педру и Жозе соответственно. Вам, друзья мои, я завещаю по два процента акций.

– Ты итак слишком много для нас сделал! – в один голос заговорили друзья.

– Равно, как и вы для меня, друзья мои, – перебил их Жуан Антониу, и продолжил. – А что касается самого младшего, умницы Жозе, то его я бы хотел оградить от бизнеса. Он эрудированный парень, рождён для науки. Думаю, что восемь процентов акций его доли помогут ему безбедно жить в будущем, продолжить образование за границей. Поэтому-то я оставляю ему квартиру и магазин в районе Фламенгу. Пусть поступает с ними, как ему заблагорассудится. Ну, вот и основные изменения в моём завещании.

– Завтра же займусь завещанием, Жуан Антониу, – сказал Жулиу Сезар.

– Но, ты ничего не сказал про Жуана Педру? – спросил доктор Леонсиу.

– Ах да... Да, Жуан Педру, пожалуй, единственный из всех моих детей, кто действительно достоин стать моим преемником, но именно его я меньше всех хочу видеть во главе «Силва», – мрачно вздохнул Жуан Антониу.

– Это почему, Жуан Антониу?! – недоуменно воскликнул Леонсиу, но заметил сдвинутые густые брови и нахмуренный взгляд адвоката.

– По нескольким причинам, друзья, – тихо начал сеньор да Силва, – Жуан Педру и в самом деле умный, образованный и энергичный человек с твёрдым характером. Решительный. Даже очень. За четыре года работы в компании он показал себя с положительной стороны. Формально числясь юристом, он успешно руководит всем производственным процессом. Все заключённые им сделки пошли нам на пользу. Ну, взять хотя бы недавнюю продажу родовой фазенды в Ресифи соседу итальянцу. Сколько прибыли она принесла, и мы успели вовремя расплатиться по процентам с банковским кредитом, погасить долги поставщикам. За всё это время он снискал уважение среди всех сотрудников, и поднял престиж компании. Но это только лишь одна сторона медали, а ведь существует и обратная.

При последних словах Жуана Антониу, адвокат заёрзал, нахмурился, сдвинув кустистые брови. Видимо, у сеньора Жулиу Сезара были причины недолюбливать своего бывшего помощника.

– Так вот мои дорогие друзья, – спокойно продолжал сеньор да Силва, – Этот вопрос меня волнует больше всего. Дело в том, что помимо всех достоинств, Жуан Педру обладает ещё и рядом недостатков, о которых мне, как отцу очень горько говорить, но и которые я просто обязан вам объективно раскрыть. Впрочем, вы и сами знаете это не хуже меня... Он жестокий, властолюбивый и коварный человек, который не остановится ни перед чем ради достижения цели. Своей зловещей решимостью, своим цинизмом он пугает меня. Я не на шутку боюсь, что достигнув желанного президентского кресла, он превратит компанию в военный лагерь, установив тут режим похлеще того, который сейчас царит в стране. Иногда бывает даже так, что я родной отец не могу прямо смотреть ему в глаза, настолько его взгляд заставляет меня неприятно волноваться. Словно колет чем-то острым в шею. Правда, я уверен, что именно он способен повысить наши прибыли и в кратчайшие сроки поднять компанию на совершенно другой уровень. Но какими методами он это сделает нетрудно догадаться. Ещё в раннем детстве я замечал у него черты, отсутствующие у других моих детей. С годами я всё больше и больше убеждался, что под маской обходительности в нём кроется человек без сдерживающих центров. И как бы мне ни больно было бы говорить об этом, но вынужден констатировать факт: Жуан Педру никогда не должен и не может возглавить компанию. Он не будет одним из её вице-президентов. Потому что тогда он реально возьмёт бразды правления в свои руки, уничтожит остальных кандидатов, и поставит предприятие исключительно на службу корыстным интересам. У него непомерные амбиции. Да, плохо с Амалией воспитали мы сына... Хотя, справедливости ради, должен признать, что он в некотором смысле положительно влиял и сейчас продолжает влиять на братьев. И в трудные моменты они ищут у него совета, поддержки. Да и его характер, решительность могут послужить примером для них. Плюс он неплохой семьянин, хотя, на мой взгляд, чрезмерно строг с моим любимым внуком. По крайней мере, он не подкаблучник, в отличие от старшего брата. Итак, Жуан Педру откроет филиал компании в

Сан-Паулу, и, возглавив его там, успешно расширит наше дело. Этим я хочу отдалить его от офиса, не дать «Силва» рухнуть и, одновременно, расширить бизнес. Он всегда должен быть подальше, и ни в коем случае не сидеть здесь в Рио, в головном офисе. Это ни к чему хорошему впоследствии не приведёт. К тому же там он или расширит наш бизнес или же откроет и продвинет собственное дело, в успехе которого я несколько не сомневаюсь. Главное, чем дальше он будет от президентского кресла «Силва», тем лучше для всех нас. Это и есть моё главное изменение в завещании. Моим душеприказчиком будет, как было решено раньше, Жулиу Сезар.

– Мы с Жулиу Сезаром одобряем любое твоё мнение. Всё же тебе видней, Жуан Антониу. Но думаю, и более того, уверен, что Жуан Педру может не согласиться с твоим соломоновым решением, да и обидеться на тебя, что также приведёт к нежелательным последствиям, – возразил Леонсиу.

– Я об этом лично переговорю с ним, и поэтому вызвал его к себе. Я сыграю на его честолюбии, на его слабой точке, когда объявлю о своём решении. И он не посмеет отказать родному отцу. В конце концов, он мой сын и обязан всегда и во всём мне подчиняться! Более того я решил также сыграть на неожиданность, и поэтому вызвал его сразу в офис. Заявлю ему о решении сейчас, не дав отдохнуть с дороги и выявить его свежую реакцию.

– То есть по его свежей, и, по-моему, вполне предсказуемой реакции, ты решил предугадать его дальнейшие шаги, а затем и подстраховаться. Я правильно тебя понял, Жуан Антониу?

– Ты как всегда всё верно подметил Леонсиу.

– Смею возразить тебе друг мой, но здесь надо также учитывать и другие аспекты. ... – начал было раздражённо говорить сеньор Лопиш да Гама, как в дверь тихо постучали. Вошедшая миловидная секретарша сообщила о приезде Жуана Педру. Короткое облегающее платье хорошо смотрелось на ней, а длинные каштановые волосы, томные карие глаза и полные губы на загорелой коже подчёркивали её очарование.

Уверенно вошедший в кабинет Жуан Педру затмил своим торсом её фигуру, и с улыбкой поздоровавшись со всеми, обняв чуть приставшего отца, уселся на пустующий стол рядом с Леонсиу. Несмотря на ночной перелёт, усталость и одолевавшую дремоту, смотрелся бодро. Он отличался отменным здоровьем, ежедневно занимался спортом, не курил и делал обязательную пробежку, дабы поддерживать себя в надлежащей форме. Сказывалась железная дисциплина бывшего офицера. Настроение было хорошим, а настрой боевым. Только хмурый вид насупленного адвоката раздражал. Они давно взаимно недолюбливали друг друга. Ещё с тех давних пор, когда юный, неопытный Жуан Педру начинал свою карьеру юриста в конторе Жулиу Сезара, в качестве стажёра. Сказывалось явное различие характеров и жизненных воззрений.

Через минуту вошла секретарша с подносом кофе на руках, поставив перед каждым маленькие белые чашечки. После того как она удалилась, кокетливо покачивая бёдрами, Жуан Антониу обратился к сыну:

– Жуан Педру, во-первых, должен искренне поблагодарить тебя за отлично проделанную работу в Ресифи. Вся сумма полностью поступила на наш счёт. Мы успели вовремя рассчитаться по оставшимся долгам. Большое спасибо. Всегда продолжай быть полезным нашей компании.

– Какие благодарности, папа. Да и к чему? Это мой долг, моя обязанность, как сотрудника помогать вам во всём.

– Но это ещё не всё, сын мой, – перебил его сеньор да Силва, – Я тебя не просто так пригласил сюда прямо с дальней дороги. Во-вторых, у меня к тебе поручение, более важное ответственное, чем ты предполагаешь. Оно срочное. Чем скорее мы начнём к нему подготовку, тем лучше. Думаю, что оно будет весьма серьёзным испытанием для тебя.

– Я всегда готов к любым твоим поручениям, папа. Будь уверен. И стараюсь надлежащим образом выполнить их. Ты же знаешь, – ответил послушный сын, насторожившись, однако

после слова «сынок», ибо отец никогда к нему так не обращался. Старик явно приготовил какой-то сюрприз.

– Я и не сомневался в твоём ответе. А теперь внимательно послушай меня, пожалуйста. Твоя дальнейшая карьера зависит от этого разговора.

– Слушаю тебя внимательно, папа, – произнёс Жуан Педру.

– Так вот, – грустно начал Жуан Антониу, – то, что я скажу тебе, отнюдь не обрадует нас с тобой. Мне сейчас тяжело вот так в упор признаваться тебе, да и себе самому в этом. У меня неизлечимая болезнь, рак мозга, и мои дни уже сочтены. То есть мне, согласно анализу доктора Леонсиу осталось жить максимум три или четыре месяца, и за это время я должен успеть ещё много чего сделать. Поэтому я пригласил сюда его с Жулиу Сезаром, чтобы обсудить с ними текущие дела. Жоахим не может присутствовать, к сожалению. Виктор, наверняка, уже успел тебе об этом сообщить. Они с Оливией и детьми уехали на крестины внука Виржилиу Тейшейра, нашего основного кредитора. А Мануэла, как никак женщина, и я бы совсем не хотел раньше времени травмировать её ранимую душу. То есть, в семье об этом пока никто ничего не знает, и надеюсь, что пока этот наш разговор не выйдет из стен этого кабинета. Понимаешь, надеюсь?

– Но этого не может быть, папа! Всё это какой-то бред, какое-то досадное недоразумение, чёрт возьми! Папа, ведь медицина движется вперёд, и для этой болячки существует лечение за границей. Ты же сам знаешь об этом?! Да и как ты мог поверить во всю эту чепуху?! – стал вопить, шокированный словами отца Жуан Педру, даже пристав в возбуждении со стула.

– Не огорчайся Жуан Педру, такова жизнь. Ничто не вечно в мире, и никто не вечен, – мрачно прервал его отец, – Поверь мы всё предусмотрели, но пока ещё нигде на свете не нашли лекарство от этой хвори. И, возможно, впервые я вынужден склонить выю перед судьбой. Ты, как старший после Жоакима сын выслушаешь моё последнее волеизъявление, и пообещаешь выполнить любое пожелание отца, каким бы оно ни было.

– Обещаю отец. Что за вопрос, конечно, – произнёс успокоившийся сын.

– Прекрасно, а теперь слушай меня внимательно, Жуан Педру. После моей смерти единственный пост президента компании будет поделён между главными акционерами, а именно Жоакимом и Мануэлой (без участия Рикарду, о чём и позаботиться адвокат). Жулиу Сезар станет вице-президентом по организационным вопросам, а финансовый контроль будет осуществлять, как и прежде, сеньор Жакобу Амарал. Что же касается тебя, сын мой, – при этих словах Жуан Антониу успел заметить, как промелькнула лёгкая тень негодования на лице сына. Взгляд серых глаз засверкал злобным огоньком. Сеньор Жуан Антониу ощутил внутри неприятно щемящее чувство. Будто мурашки изъедали всё тело от этого взгляда, – Ты, Жуан Педру, откроешь и возглавишь филиал «Силва» в Сан-Паулу. Сам знаешь, мы давно этого хотели. Это огромный мегаполис, где мы выйдем на необъятный рынок, и где у меня ещё остались старые связи, которые могут помочь на начальном этапе. В прошлый раз ты сам утверждал вместе с Нуну Фигейра о необходимости расширения. Так вот сейчас для этого у тебя появляется отличная возможность. Считаю, что у тебя есть для этого все необходимые данные. К тому же за последние годы ты показал себя с положительной стороны, доказав свою компетентность. Уверен, что ты и на этот раз справишься с возложенной задачей. За неделю подготовишь необходимые документы. Затем вместе с бухгалтером Жоржи ди Абреу и помощником менеджера Фернанду Мораишем полетишь в Сан-Паулу. О результатах дела будешь докладывать мне, а после меня адвокату.

– Я всегда готов ко всему, что ты прикажешь, – сквозь зубы процедил сын.

Поблудневший от бессильной ярости и неприятного удивления Жуан Педру ожидал всё, что угодно, но только не почётное изгнание в другой город. Для него это означало немилость, отстранение от управления. Он чуть было не задыхался от гнева, еле сдерживая переполнявшую злобу. Особенно бесила подотчётность Жулиу Сезару, которого он ненавидел больше всех

в компании. Другой на его месте неслыханно радовался такой удаче. Ведь эта проба сил для уверенного в себе человека: бросить вызов всем, проверить самооценку, потешить самолюбие. Начать карьеру в незнакомом месте и попытаться добиться там больших успехов. Но его это отнюдь не устраивало. Жуан Педру был лидером по натуре, его всегда интересовали первые роли, где бы он ни был. И отдаление от головного офиса в бытность родным сыном президента возмущало его. Возможно, справедливо, а возможно и нет, но он искренне считал себя лучше всех и в семье, и в «Силва». Более того был в этом убеждён, и ещё со школьных лет мечтал занять кресло отца. А отец теперь расстраивал его планы.

Как ни прискорбно, но на самом деле в данный момент его расстроила не столько неизлечимая болезнь родного отца, сколько поручение. Жуан Педру ведь надеялся на пост вице-президента совместно с Жоакимом и сестрой. Затем, пользуясь их слабостью, он надеялся прибрать к рукам управление компанией. Ибо, старшего брата с рождения считал слабовольным тьюфом, не достойным первых ролей, и тому в детстве немало доставалось от его кулаков. На сестру смотрел, как на вертихвостку, тупую курицу, рождённую лишь для продолжения рода будущего мужа. В его представлении они были лишь бесполезными придатками в схеме компании, годными для красивой декорации. Видеть их у руля и делить с ними пост президента он вовсе не собирался. Тем более, что они сильно упали в его глазах за последние годы. Брат после брака растерял остатки мужского достоинства, превратив себя в подстилку для такой дряни, как Оливия, смотрел на неё, как на идол. Будто та была воплощением самой Девы Марии на земле. Сестра позволила одурачить себя папенькому сынку из золотой молодёжи, пустому ловеласу, наглому, тщеславному Рикарду. Таких, как они и на пушечный выстрел нельзя близко подпускать к «Силва». Жуан Педру ни на минуту не сомневался, что отец не доверит столь важную миссию, требующую силу воли, харизму, таким никчёмным, бесхарактерным типам, как Жоахим и Мануэла. В глубине души он на них смотрел свысока, с презрением.

В самой семье он искренне уважал лишь младшего брата Жозе за его эрудицию, усидчивость. Для самого Жозе Жуан Педру с детства был объектом восхищения, пример подражания, что тешило самолюбие последнего. С другой стороны, он справедливо считал младшего брата непригодным для бизнеса, в силу отсутствия у того деловой жилки. Поэтому он поддержал его, когда тот решил изучать атомную физику. Жуан Педру надеялся, что отец в силу личных качеств именно ему доверит после себя руль управления семейным бизнесом.

Теперь он считал решение отца, по меньшей мере, несправедливым, а пост директора филиала заслуженным лишь для рядового менеджера, а никак не для него. В тайниках сердца Жуан Педру не питал нежности к членам семьи, за исключением, пожалуй, покойной матери, которую он искренне любил. Отца он считал временным конкурентом, и испытывал к нему неприязнь за его «мягкие», по его мнению, методы ведения бизнеса. За его излишний гуманизм.

На данный момент ему не оставалось ничего иного, как подчиниться воле отца. Пожалуй, Жуан Антониу был единственным на свете человеком, которого Жуан Педру побаивался, и к которому, несмотря на неприязнь, испытывал уважение. И он собрал всю свою волю, чтобы овладеть собой, принять невозмутимое выражение лица. Несмотря на столь неудачный для него оборот событий, Жуан Педру твёрдо верил, что последний ход останется за ним. Вообще, дар самообладания в любой, даже в самой критической ситуации было одним из преимуществ его натуры. Поэтому-то он сумел быстро подавить в себе горькое разочарование, продолжая слушать отца с адвокатом.

– Сынок, ты устал с дороги. Пойди домой, выпишись, хорошенько отдохни. На работу выйдешь завтра. Тебе нужно беречь силы, потому что впереди у нас уйма дел. Встретимся дома. До вечера.

– Хорошо. До свидания сеньоры, – попрощался поднявшийся с места Жуан Педру. После него, сославшись на срочные дела, вышел и доктор Леонсиу.

После того, как они вышли из кабинета, посмотревший вслед за ними адвокат, обратился к президенту «Силва»:

– Не моё дело, конечно, Жуан Антониу, но считаю, что ты неверно решил насчёт Жуана Педру. Это Пиррова победа. Ты ограждаешь компанию от будущих неприятностей, создавая почву для новых. И разве ты не знаешь своего сына? Не такой человек Жуан Педру, чтобы успокоиться, чтобы так запросто отказаться от поста вице-президента после твоего ухода. Прости, но я вынужден, так открыто говорить. Поверь, вдали от контроля офиса у него будут развязаны руки, и одному Богу только ведомо, что он будет там вытворять, на какие разные ухищрения пойдёт, чтобы очутиться здесь, и взять руль управления в свои руки. С его натурой и амбициями это вполне предсказуемо. Конечно, мы с Леонсиу сделаем всё, чтобы не допустить этого, но после тебя это уже будет очень трудно. К тому же он твой сын, и имеет такие же права на наследство, как и остальные дети. В любом случае закон будет на его стороне, если он захочет оспорить завещание.

– Прекрасно понимаю тебя, Жулиу Сезар. Поверь, мы избежим большей беды, если не отдадим от нас Жуана Педру. Во-первых, он увязнет в Сан-Паулу. Нелегко открыть новое дело в чужом городе, где полным-полно конкурентов, криминала и других преград. Я ещё не говорю про наших коррумпированных чиновников, которые попытаются задушить бизнес в корне. Мои связи, если они, конечно, там остались, мало чем помогут там ему, потому что «своя рубашка ближе к телу». Таким образом, увязнув в Сан-Паулу, его голова будет занята собственной шкуркой, а не контрольным пакетом. Я ещё не говорю про непомерные расходы. Во-вторых, я нарочно посылаю вместе с ним туда Жоржи и Фернанду, которые будут моими, а после меня твоими глазами и ушами рядом с ним, и будут предупреждать нас о каждом его шаге. Наконец, я уверен, что после меня, тебе с Леонсиу удастся легитимными способами отдалить от Совета Рикарду и Роберту.

– Но ты единственный в компании, а может быть и во всём мире человек, который хоть как-то может его контролировать и придерживать. А что будет дальше?! – воскликнул Жулиу Сезар, разводя руками.

– Вот поэтому-то я и готовлю почву для того, чтобы и после моей смерти Жуан Педру как можно дольше оставался бы в Сан-Паулу, Жулиу Сезар!

– Ты не сбрасывай со счетов, пожалуйста, то немаловажное обстоятельство, что у Жуана Педру появится крупный зуб на нас. Потому что уверен, что он меня с Леонсиу считает авторами твоей идеи относительно Сан-Паулу. Он злопамятен, как пума. Не обижайся, конечно.

– Да нет, что ты, Жулиу. Мне ли не знать своего сына?

– Жуан, уж я-то знаю, что он именно тот человек, который сумеет извлечь максимальную пользу из твоего решения. Я ни на секунду не сомневаюсь, что он откроет новое дело в Сан-Паулу, в короткие сроки поставит бизнес на рельсы, наведёт там порядок, а затем уже и переклучится сюда. И его тогда не сможет остановить никто, ни Жоаким, ни кто-нибудь из Совета Правления, ни я! Ты не хуже меня знаешь, что мои слова не пустой звук!

– Знаю, знаю, Жулиу Сезар. Я согласен с тобой, но, время покажет, что его удаление из Рио меньшее зло. Мне это решение далось нелегко, поверь. Я отлично знаю, что у тебя серьёзные основания остерегаться Жуана Педру... Я ведь не забыл ни про избиение негра, ни про случай с украденными документами в твоём офисе. Ты тогда из уважения к нашей дружбе не сказал мне ничего, но я сразу понял, когда ты был вынужден удалить его из своей конторы. Я прекрасно знал, что он выкрал документы лиц, которых ты собирался в суде защитить и спасти от банкротства и перепродал их сопернику потому, что твой клиент поднял иск против полковника ду Карму, его бывшего сослуживца. А этот Элизеу ду Карму просто захватил землю и прогнал оттуда десятки семей, лишил их крова, чтобы построить небоскрёб, нажиться на

этом. И сколько таких случаев по всей стране. Да и как можно забыть такое... Но что я могу поделать. Оставить его у руля я тоже не могу. Сегодня он под моим надзором, завтра что? Так, по крайней мере, я буду знать, что он вдали, и за ним постоянно наблюдают.

– Не знаю, Жуан Антониу, не знаю, тебе видней, конечно, но нутром чую, что всё это не к добру. А интуиция меня никогда ещё не подводила...

А герой разговора Жуана Антониу и адвоката, тем временем вышел из кабинета, неслышно закрыв за собой дверь. В приёмной он столкнулся со спешащим на приём к Жуану Антониу старым нотариусом семьи – Жулиу Брага. И никому из присутствующих и в голову не могло прийти, что за перегородкой их преспокойно подслушивала любопытная секретарша – Жулия Эспиноза.

Глава V

В бильярдной стоял аромат кубинских сигар. Просторное помещение было погружено в полумрак. Только зелёный суконный прямоугольник стола ярко освещался лампой, свисавшей с потолка на длинном шнуре. Бильярдная размещалась в подвале трёхэтажного роскошного особняка, окружённого высоким, увитым зеленью забором в престижном районе Леблона. Вокруг бильярдного стола прохаживались двое игроков, один из которых нервно мелировал резиновый наконечник длинного кия. Третий игрок, молча, наблюдал за партией, стоя у полированной стойки. Перед ним на стойке стояла полупустая рюмка шотландского виски.

– Свой в лузу, Роберту! – произнёс он, обращаясь к мужчине лет сорока, среднего роста, крепкого сложения с прыщавым красноватым лицом и заплывшим жиром синими глазами.

– Только не говори под руку, кузен, – процедил Роберту. Прицелившись, хлёстким ударом, направил шар в борт, бросив ему вдогонку:

– Заказ, – второй в середину!

Красный шар врезался в борт, отскочив вбок, и подрезав другой шар, ушёл далеко влево. Подрезанный шар, резво покатавшись по сукну, через мгновение трепыхался в средней сетке.

– Партия! – весело провозгласил самодовольный Роберту, в возбуждении стукнув кием о борт, – С тебя сто зелёненьких, Рожериу, – с притворной лаской он обратился к хилому типу лет тридцати отвратительной внешности, низкорослому, с непропорционально большим черепом и жабыми глазами непонятного цвета. Покачав, как в нервном тике головой, Рожериу криво усмехнулся.

– Не везёт мне что-то нынче сегодня, друзья.

– Ты скажи спасибо, что мы с тобой играем сегодня по маленькой, сеньор Баррейру, – Роберту поднял вверх указательный палец. – Сто баксов – это разве сумма для тебя?! В старое время благородные люди на бильярде, вообще, целые латифундии и фабрики проигрывали. А был ещё такой случай, когда за тёплое местечко в генштабе старые генералы бились.

– Верно. Ведь поэтому-то покойный Варгас и запретил играть в бильярд на деньги, – со своего места произнёс, смакующий виски Рикарду.

– Ты-то, откуда всё знаешь? – спросил Рожериу Баррейру.

– Папа рассказывал, – уклончиво ответил встающий Рикарду. Собеседник понимающе кивнул и с важностью сказал:

– Папа у тебя действительно большой был человек.

Подошедший в это время к обоим игрокам хозяин дома Рикарду был на голову выше их. Это был красивый молодой мужчина лет под тридцать высокого роста и атлетического сложения. Блондин с голубыми глазами, греческим носом, полными губами, гладким лицом, белой кожей, отличался от окружающих нетипичной для бразильца внешностью. Он был любимцем у женщин, да и многие мужчины также почитали за честь дружить с ним.

– Да, точно, – уважительно подтвердил Роберту, – Царство ему небесное! – Взяв рюмку, он выплеснул в рот остатки напитка. Обжигающая жидкость поползла по пищеводу, и он довольно зажмурился, сомкнув веки.

♦ *Луиш Рикарду Жоаким Себастьян Мартиниу да Кунья Диаш, а коротко Рикарду Диаш, один из самых богатых людей страны родился 24 октября 1940 года в один день с королём футбола – Пеле. Его отец был латифундистом и генералом, а мать дочерью кофейного магната. Будучи единственным сыном такой семьи, Рикарду вырос в роскоши и холе, с детства ни в чем, не отказывая себе, не зная никаких трудностей. Позже он получил образование в престижной гимназии, а затем продолжил его в Гарвардском университете в США.*

По возвращении из Гарварда, он на деньги отца основывает строительную компанию. Это происходит в годы возведения правительством новой столицы, и связанного с ним строительного бума. Поэтому компания сеньора Диаша стремительно растёт и процветает, успешно выигрывая выгодные тендеры на строительство дорогих правительственных объектов. Впрочем, для него это было не так уж и трудно, учитывая связи отца и щедрые откаты нужным чиновникам. Таким образом, за короткий срок Рикарду невиданно обогащается, становясь одним из самых богатейших людей страны, и планируя выставить кандидатуру на грядущих парламентских выборах.

Однако переворот, свергнувший либеральное правительство Жоао Гуларта и приведший к власти военную хунту нарушил его честолобивые планы. Он попал в немилость к новым сильным мира сего. Обороты его компании снижаются, заказы перестают поступать, да и строительство новой Бразилии близится к завершающей стадии. Рикарду ежедневно теряет миллионы из-за неустоек.

Но не только всё это послужило отрицательным фактором для его бизнеса. Дело в том, что при всех своих многочисленных плюсах многоуважаемый сеньор Диаш обладал серьёзнейшим недостатком, недопустимым для бизнесмена его уровня. Он был азартным игроком, и частенько проигрывал огромные суммы в казино, на скачках и на футбольных тотализаторах. Из-за этого порока он легкомысленно растранижирует большую часть состояния. Правда, он всё ещё остаётся рентабельным предпринимателем, но личное состояние, заключённое в акциях и недвижимости, падает вниз, а долги по кредитам пропорционально растут вверх. Хотя, он продолжает вести королевский образ жизни и быть одним из любимцев высшего общества, не пропуская ни одного раута.

На одном из таких раутов он знакомится с красавицей Мануэлой. Скоро молодые люди объявляют помолвку. Любовь жениха подкрепляется ещё и тем, что заполучив через будущую жену контрольный пакет акций фирмы её отца, Рикарду надеется поправить оскудевший бюджет и расплатится с долгами.

Трое игроков после игры уселись на мягкие кресла вокруг бильярдного стола и, со вкусом попивая виски, неторопливо беседовали между собой. Хозяин дома говорил, растягивая слова:

– Не осталось почти в этой стране уважаемых, достойных людей, сеньоры. Таких, как например, мой покойный папаша. Нынешние, ведь мелюзга в основном. И сами работать не умеют, и другим не дают. Из грязи в князи, как говорится, и только много шуму из ничего создавать мастера.

– Ты прав, Рики, – подтвердил Роберту, – и поэтому-то ситуация в стране дерьмовая. Нельзя предугадать, что будет завтра.

– Тебе грех жаловаться, Бобби, – обратился к нему Рожериу, – Ты не остался в накладе после смены власти. Тесть в генштабе служит, с президентом дружит. Банк приватизировал, бизнес семимильными шагами процветает.

– Да не в банке и в бизнесе дело, Роже. Я ж не черепаха, чтобы, зарывшись в свой панцирь, только о себе любимом помышлял. Я о стране, о Родине нашей думаю, о её будущем, – отпарировал Роберту.

– О будущем, которое видится мне в туманном виде, сеньоры, если честно, – пессимистически вздохнул Рикарду, выпуская кольца дыма сигары вверх, – Ну, взять, хотя бы нынешнюю ситуацию на Севере.

– На Севере, – начал Роберту, – сейчас беспокойно по многим причинам, главная из которых, на мой взгляд, то, что после ухода оттуда голландцев, и вследствие уменьшения белого населения, там поселились все эти негры, индейцы, мулаты, метисы, самбо, парду, каблока⁴ и всякая цветная мразь. Разумеется, по вполне понятным причинам северный регион стал отставать. И нищета, безработица, эпидемии, поголовная неграмотность и отток в большие города Юга, как следствие этого. Период независимости, что во время империи, что республики ничего не изменили. Напротив, ухудшили ситуацию, дав дикарям намного больше, чем они заслуживают. В результате эта разноцветная масса захотела жить как нормальные белые люди, обладать на деле равными с нами правами, и при этом, не прилагая никакого совсем труда. Как говорится, выловить рыбку из пруда без труда. Незаслуженно. Вообразила себе нам ровней. Представляете, сеньоры?! И реформы мягкотелых либералов, как Кубичек и Жангу, вообще, вселили в них надежду, усилили среди них нежелательные настроения. Этим-то и воспользовались Советы, которые с помощью местных марксистов хотят создать здесь вторую Кубу.

– Да, правильно правительство маршала тогда сделало, когда разорвало отношения с Кубой, – перебил его Рожериу, – Кастро с Че Геварой решили перекинуть план революции из испаноязычной части нашего континента в португалоязычную. Хорошо хоть, что Че Гевару застрелили в прошлом году в Боливии, где он, как всегда мутиловкой занимался, засранец.

– Два года назад, Рожериу, – уточнил Роберту, – Цэрэушники хоть на этот раз не проморгали, слава Богу. Но в целом красная зараза уверенно шагает по Латинской Америке. Вон в Чили, Альенде к власти рвётся, побеждает в предвыборных кампаниях. В Аргентине у власти перемененно то военные, то леваки, которые оба одинаково ненавидят Перона. В Перу генерал Альварадо строит социализм для индейцев. В Колумбии бушует гражданская война. Третью страну контролируется левыми. В Венесуэле и в Панаме с помощью КГБ недавно к власти тоже пришли социалисты. Там генерал Торрихос порядок наводит. Глядишь скоро, вообще, вытурит янков с зоны Панамского канала. В Боливии, в Уругвае и в Эквадоре тоже беспокойно. Мексика, вообще, назло северному соседу на протяжении всей истории поддерживала левых. Исключение, пожалуй, Никарагуа, где Сомоса пока ещё стоит у руля. Хотя нет. В Парагвае Стресснер держится молодцом. Немец всё-таки. Не чета нам, южанам.

– Это один из эпизодов холодной войны, кузен, – вставил Рикарду, – но я всё-таки думаю, что у них всех, то есть у всякого левацкого отребья мало шансов в нашей стране. Потому что, переворот 1964 года, который нам так любезно подарил дядюшка Сэм, похоронил все надежды коммунистов на реальную власть в стране. Вот потому они так озлобились в северных штатах, где в силу озвученных тобою причин для них всё ещё остаётся благодатная почва.

– Вообще, считаю, что в нашем менталитете, как, впрочем, и в психологии всех латиноамериканцев, да и южан в целом, есть лень, – заявил Роберту, – и потому, в Бразилии, как и во всей Латинской Америке, население предпочитает социализм. Его-то страстно желают цветные. В силу природной тупости и лени они хотят есть, не работая, задаром. За счёт государства. И дурная идея социализма, продукт еврейской плутократии, теоретически даёт им эту возможность. А вот Штаты с их уважением к честному труду, и с англосаксонским индивиду-

---

⁴ Самбо, парду, каблока – группы населения в Бразилии, являющиеся потомками смешанных браков европейцев с индейцами и африканцами.

ализмом далеки от всей этой хренотени. Даже на Луну в этом году они первыми высадились, опередив тут Россию. Они то и призваны защищать идею демократии в мире.

– Но, нам-то всем от этого, какой толк, Бобби? – поинтересовался Рожериу, – Да, толк в том, что янки поддерживают теперешнее правительство. А оно делает многое для бизнеса. Но есть коррупция, инфляция, безработица, преступность и ситуация на Севере, где армия никак не может навести порядок. Да и различия в развитии между регионами на сегодняшний день препятствуют свободному росту экономики, крупным инвестициям. Деньги ведь покой, тишину любят.

Роберту залпом опорожнив виски, вновь включился в разговор:

– Разве вы не слышали в последние времена о бразильской модели развития экономики? Сейчас в правительстве идёт обсуждение проекта новой конституции, которая и законодательно закрепит эту модель. И представители от партии АРЕНА, членами которой мы с Рики состоим, лоббируют этот проект, который разработан совместно с экономистами из Чикагского университета. И в числе прочего проект предусматривает снижение налоговой нагрузки для бизнесменов, урезание пенсий, социального пособия для многих категорий населения, дабы эти средства вкладывать в постройку заводов, фабрик, инфраструктуры. Тем самым открывать рабочие места. Благо у нас они ещё дешёвые, в отличие от США, Европы. Разумеется, это откроет путь для привлечения многомиллиардных инвестиций из Запада. А природные ресурсы, которыми щедро наделил нашу страну Господь, если ими с умом воспользоваться, принесут невиданную доселе прибыль. Стабилизироваться положение внутри страны, начнётся рост экономики. Конечно, эти меры сопровождаются усилением карательной функции. Уверен, что армия наведёт на Севере порядок, поставит на место зарвавшееся цветное быдло. Северные штаты слишком богаты, чтобы мы отдавали их потомкам вчерашних рабов. Слишком уж много туда угрохано бабла, чтобы просто так его терять.

– Ты так уверенно говоришь об этом, – недовольно заметил Рожериу.

– Потому что умею верно прогнозировать, и всегда бываю в курсе текущих дел, что и вам, друзья мои, настоятельно советую. Что касается нас, здесь всё ясно, как божий день. Налоги, социальные выплаты уменьшатся, стабилизируются цены, увеличится рынок сбыта, соответственно, возрастут наши прибыли.

– Кстати, насчёт АРЕНА. Я слышал, будто бы они через генерала Новаеша хотят провести предложение об отмене налога на судоперевозки. Это было бы весьма кстати, сейчас, когда корабль моей компании должен завести партию новеньких холодильников из Штатов. Я их продаю на фабрику «Силва». И смогу толкнуть эту партию Жуану Антониу по старой цене, не оставшись в накладе, – облизывая губы, сказал Рожериу.

– Ничего не слышал об этом, – ответил Роберту.

– Друзья, вы, наверное, уже слышали свежие новости от да Силва. Говорят, позавчера у них в офисе был серьёзный разговор между Жуаном Антониу, адвокатом и врачом. Наверное, ему сейчас нездоровится. А вы, что об этом думаете, сеньоры? – живо включился в разговор Рикарду.

– Ты близкий родственник этой семьи. Будущий зять. И если ты не в курсе новостей, то откуда мы можем об этом знать, – сказал Рожериу.

– Нельзя отказываться от родственничков, сеньор Баррейру. Ведь ты тоже близок с ними. Если мне не изменяет память, ты всё ещё брат супруги Жуана Педру, – шутливым тоном упрекнул его подвыпивший Роберту.

– А я и не отказываюсь, хотя и терпеть не могу своего шурина, – обиженно буркнул тот, – Скорее всего, обсуждали свои дела. Нам то, что от этого. А сеньор Жуан Антониу выглядит, по-моему, здоровее деревенского быка.

– Ты замечаешь только то, что под носом, Роже, – шуганул его Роберту.

– Полно, сеньоры, – перебил его Рикарду, – Дело гораздо серьезнее, чем нам кажется. Потому что мы не только друзья и родственники этой семьи, но и держатели акций их компании, и потому нам должно быть интересно всё, что связано с ними. Знаете, утром встретился по дороге с Инессой, точнее, довёз её до работы, и она сообщила мне кое-какие весьма интересные новости.

– И что интересного сообщила тебе твоя бывшая? – полюбопытствовал Роберту.

– Готовьтесь сеньоры, – со злорадной ухмылкой проговорил Рикарду, – Дон Жуан Антониу да Силва неизлечимо болен. Не знаю, какой болезнью, но точно знаю, что болен, и не дотянет по предположению его обожаемого доктора Леонсиу даже до лета. И позавчера он обсуждал своё завещание. Там также присутствовал и Жуан Педру, наш общий «друг». И он вышел оттуда, как утверждают, таким растерянным и удручённым, как будто не смог забить мяч с пенальти в финале Копа да Америка. Очевидно, старик сильно обидел его в своём завещании.

– С чего ты так уверен в этом, Рики? Откуда такая информация у этой сеньориты? Разве ей можно так доверять? – воскликнул Роберту.

– Эта сеньорита сама по себе, разумеется, не представляет для нас никакого интереса. Однако обычная секретутка и болтливая, как сорока, сеньорита Праду является доверенным ассистентом адвоката Жулиу Сезара, а также кузиной Жулии, секретарши Жуана Антониу. Так вот, Жулия из женского любопытства подслушала весь их разговор, и пересказала его своей кузине. Та уже, не поленившись, пересказала мне всё, как доброму знакомому. Теперь понимаете, сеньоры? Возможно, это наш шанс. Не воспользоваться им сейчас было бы, по меньшей мере, глупостью.

– Не совсем понятно. Ты что-то здесь темнишь, Рики, – пробормотал Роже.

– Роже прав. Объяснись яснее, пожалуйста, кузен, – попросил его Роберту.

– Ну что же тут непонятного, друзья мои?! Дело в том, что после смерти Жуана Антониу, согласно его завещанию, весь контрольный пакет акций «Силва» делится между Жоакимом и Мануэлой, моей невестой. Конечно, малый процент достаётся и младшим сыновьям, но это всего лишь сущие пустяки, какие-то несерьёзных два или три процента. Так вот, женившись на Мануэле, я автоматически становлюсь совладельцем её доли акций, и вхожу в совет директоров с правом решающего голоса. Это, как минимум пост вице-президента. В дальнейшем, нажав на Жоакима, который боится жены пуще огня, я выкупаю и его долю. Затем, в законном порядке становлюсь президентом «Силва». Видите, всё просто, как дважды два!

– Теперь всё встанет на свои места, но объясни нам, пожалуйста, именно каким образом ты намерен осуществить весь свой замысел, и какая нам от этого будет выгода? – спросил Рожериу.

– Я забыл вам сказать ещё одну новость. Жуан Педру на следующей неделе летит в Сан-Паулу, чтобы открыть там филиал компании. То есть, папаша Джонни фактически отстранил его от управления, отправив в почётную ссылку, и тем самым расчистив нам путь. Ведь сеньор юрист, которого так «обожают» Роже, был одним из главных препятствий на пути. Верно, он не крупный акционер и даже не входит в совет правления. Однако, всё равно представляет для нас угрозу. Он издавна мечтает сам руководить «Силва», несмотря на то, что пытается это скрыть. Честно говоря, мне этот тип сразу же не понравился. С первого взгляда, как я его увидел. Сам улыбается, а смотришь в глаза, так и норовит сделать какую-нибудь гадость. Но речь сейчас не об этом. Итак, Жуан Педру уже вне игры. Остаются Жоаким, Мануэла и Жозе. Последний не играет значимой роли, с Мануэлой тоже всё ясно, а на Жоакима надо надавить через Оливию. Всё-таки её брат, Маркуш мой компаньон в текстильной фабрике. И я постараюсь убедить его, чтобы он повлиял на свою сестру, а та уже на своего муженька. Уверен, что сеньору Велозу будет очень выгодно принять моё предложение, так как я уступлю ему свои пять процентов после того, как заполучу контрольный пакет. К тому же у него прохладные отношения с Жуаном Антониу, и думаю, что он не откажет себе в удовольствии напасть

семейке да Силва. Затем, среди пайщиков остаются сеньоры Паулу Браганса, глава профсоюза, владелец пяти процентов, Диегу Амарал, латифундист, тоже обладатель пятёрки, с которыми можно договориться. А потом, бац, и дело в шляпе! Но всё это надо проверить после смерти старика, а жениться обязательно нужно до его кончины.

– Это почему же? – пробормотал, развалившийся в кресле, Рожериу.

– Потому что по нашим новым законам, вступивший в брак с наследницей лицо не имеет права стать совладельцем её имущества, равно получить право голоса в акционерном обществе, пока не истечёт карантинный срок, то есть полгода со смерти основного завещателя. Потому что, за это время наследники других категорий могут оспорить завещание. Тут мы рискуем потерять лишних шесть месяцев. Понимаете, сеньоры?

– И где же ты обучился подобным юридическим тонкостям?

– Недавно слышал на одном приёме в доме да Силва из уст самого Жулиу Сезара. Никто ведь не станет спорить, что он лучший юрист города и в то же время очень принципиальный человек. Душой и телом преданный да Силва. Посему первое, что я намерен осуществить в ближайшие дни, так это постараться заполучить копию с завещания с помощью Инессы. Мне необходимо в подробностях знать его конкретное содержание. Понятно? – закончив тираду, спросил Рикарду.

– Всё, что ты нам сейчас рассказал, конечно же, приятно. Но ты не ответил на главный волнующий нас вопрос, который задал тебе Рожериу. Какая же нам с ним от этого всего польза, кузен? – спросил Роберту.

– На этот вопрос уже давно есть ответ. Послушайте, друзья. Мой кузен, известный финансист города, сеньор Роберту Перейра – обладатель целых двадцати процентов акций, то есть самый крупный пайщик после самого президента с правом голоса. И очень странно, что он так пассивен в Совете Директоров. А Рожериу в свою очередь также хозяин десяти процентов акций, как и я, ваш покорный слуга. И что тут получается?! Объединив наши усилия, мы совместно сможем осуществить задуманную нами идею, и в итоге станем полновластными хозяевами «Силва». Разумеется, вы оба получите возможность увеличить проценты, соответственно, дивиденды за счёт приобретённых нами в будущем акций. Вы войдёте в Совет, и мы возглавим «Силва», подобно древнеримскому триумвирату. Помните из истории?! – глаза Рикарду сверкали огнём алчности.

– Помнить-то помним, кузен. Но мы также и помним, что триумвират этот завершился плачевным финалом для двух его участников, кроме Цезаря.

– Плачевный финал произошёл оттого, что не сумели вовремя правильно поделить власть. Вернее, Цезарь оказался умнее, и обошёл их всех. Но ведь среди нас троих нет же такого, слава Богу...

– Нельзя сбрасывать со счетов адвоката с доктором. Они близкие друзья Жуана Антониу, наверняка после его кончины, станут душеприказчиками его воли. Само собой, не очень-то радушно примут нашу инициативу, – поддержал его Рожериу.

– Почему у вас такой пессимистический настрой, сеньоры. Конечно же, я учёл и их. Но после моей свадьбы с Мануэлой, которую я всячески буду ускоривать, все их действия, направленные против наших общих планов, будут лишены всякого смысла. К тому же, не найдётся в мире человек, у которого невозможно было бы не выявить хоть какую-то слабину. Мой поверенный, специалист в таких делах, Эдуарду Норонья, уже занимается ими. Уж он-то точно сумеет раскопать под них, поверьте мне. Незапятнанных на свете нет, не было и никогда не будет! Уж в этом будьте уверены, сеньоры! – довольно заключил он.

– Здесь я согласен с Рики. Потому что Жуан Антониу всю свою жизнь был либералом, поддерживал Гуларта, прохладно встретил хунту 1964-го, – заговорил Роберту, – И при желании генералы могут ему это припомнить.

– Хунта принесла оздоровление нашему обществу, нашей экономике. Признаться, я сам тоже пострадал от неё немного. Но такой компании, как «Силва» нет места на отечественном рынке, если их управление находится в ненадёжных руках. В руках, угрожающих делу бизнесменов, развитию экономики в целом. Если фирма будет в наших руках, то считайте сеньоры, что фруктовый рынок города тоже перейдёт целиком в наши руки. Заладится бизнес.

– Хорошо кузен. Теперь ты почти сумел нас убедить, и мы всемерно будем помогать тебе и поддерживать тебя в этом благородном деле. Но я ещё раз подумаю над твоими предложениями, Рикарду. И не забывай: хороший ягуар – это мёртвый ягуар. Надеюсь, ты понял, что это я про Жуана Педру. Ну ладно, удачи тебе, – крепко пожал руку кузена Роберту.

– Тогда поднимем бокалы за наш общий успех! – воскликнул захмелевший Рожериу, поднимая опорожненную наполовину рюмку.

– За то, чтобы «Силва» попала в достойные руки! – воскликнул Рикарду.

– А нет, так сами возьмём её, как быка за рога или же как девку за волосы, – неприятно захохотал Роберту.

День уже давно отошёл за полдень, но в просторной бильярдной всё ещё продолжал стоять аромат сигар и виски, которыми угощались друзья Рикарду Диаша. Эти сеньоры, которые недавно с умным видом рассуждали о геополитике, о национальной экономике, наживу считали смыслом существования. Для них весь мир вертелся вокруг их бизнеса. Они видели цель жизни не в семейных радостях, не в любви, не в бескорыстной помощи ближнему. Наживаться любым способом было их жизненным кредом. По подлости, цинизму они не уступали, а возможно даже и превосходили Жуана Педру, которого они дружно ненавидели.

Глава VI

В небольшом ресторане «Churrasceria a jardim»⁵ недалеко от проспекта Копакабаны было как всегда душно от множества шумных посетителей. Несмотря на свой небольшой размер, ресторан снискал популярность на весь город, и сюда ежедневно приходили вкусно пообедать или же просто приятно провести время, люди из самых различных слоёв общества. Там прекрасно готовили свежее мясо и хорошо обслуживали посетителей. У столика, где обычно сидел клиент, ставили жаровню с углями, на которых медленно обжаривался целый набор превосходных кусков разного мяса: свинины и баранины, козлятины и телятины. На стол ставили и блюдо со свежими, политыми уксусом листьями салата, а клиентам, обладавшим отменным аппетитом, к этой снеди добавляли ещё и тарелку с ломтиками картофеля-фри, обжаренными в кипящем оливковом масле. Казалось бы, с такой порцией невозможно справиться одному человеку. Но, если есть не торопясь, запивая каждый проглоченный кусок глотком терпкого красного вина, то когда через полтора-два часа приходил официант, он мог убрать пустые блюда, унести жаровню с потухшими углями и затем вернуться, лишь для того, чтобы принести чашечки с ароматным кофе, деликатно напомнив об оплате счёта. А наиболее уютные места этого ресторанчика располагались в примыкающем к нему всегда прохладному саду.

Вечером в субботу 17 мая 1969 года здесь за дальним столиком в углу садика, окружённого высокой тростниковой стеной, двое молодых людей, не обращая на окружающих внимания, вполголоса вели неторопливый разговор. Но больше говорил один из собеседников. Второй, потупившись, молчал, лишь изредка вставляя короткие фразы, исподлобья смотря на говорившего сеньора. Говорившим был Жуан Педру. А превратившийся весь в слух и внимание собеседник был высоким коренастым мужчиной примерно одинакового с Жуаном Педру возраста, с густой копной чёрных волос, тёмными сужеными глазами на квадратном лице с массивной челюстью и выпяченной нижней губой. Светлая кожа на его лице была сплошь уты-

---

⁵ Churrasceria a jardim – шашлычная при саде, по-португальски

кана веснушками, словно морской песок на камне. Пышные усы с бородкой придавали его виду комичное выражение доморощенного интеллигента. Хотя он был также далёк от интеллигенции, как борец сумо от детского балета. Кожаная куртка с рубашкой под ней скрывали от любопытных взглядов испещрённое наколками мускулистое тело. Очевидно, этот тип некогда был знаком с зоной. Звали этого господина – Гонсалу Каштру. Это имя ничего не значило для добропорядочного обывателя, но известная в уголовной среде кличка отпугивала мало-мальски нормального человека.

♦ *Гонсалу Каштру, по прозвищу «Пантера» был приятелем Жуана Педру и его верным подельником. Родившийся в многодетной семье переселенцев из Куябы, он вырос в окружении беспросветной нищеты в грязных фавелах Рио. Уличная жизнь закалила его характер, сделав матёрым рецидивистом ещё в ранней юности. Именно тогда и к нему и приклеилось прозвище «Пантера» за стиль драк и звериную интуицию, помогавшая безошибочно выявлять слабые места соперника. С юных лет он систематически привлекался к уголовной ответственности за преступления, начиная с карманного воровства, заканчивая азартными играми. Он был дважды судим, проведя за решёткой два года, где и близко познакомился с другим уголовником – Клаудиу Барбоза.*

Но, несмотря на такое незавидное реноме, сразу после выхода из тюрьмы, Гонсалу становится личным адъютантом молодого капитана ВВС да Силвы. И это в бытность его гражданским лицом. Спустя год «Пантера» опять же при содействии патрона устраивается на службу... сержантом полиции! Здесь за полгода службы этот тип приобретает бесценный опыт борьбы с криминалом, полезные связи с коррумпированными чиновниками и досье на весь преступный мир штата, успешно используя всё это в будущем. Возможности его небывало расширяются, а доходы быстро растут, благодаря взяткам и вымогательствам.

Однако его с треском выгоняют из полиции за злоупотребление служебным положением, и блестящей «карьере» приходит конец. Наш герой возвращается в привычную среду. Но и на этот раз без ломаного гроша в кармане он не унывает, и разворачивает бизнес в Нитерое. Хитрый, жестокий Гонсалу Каштру являлся закоренелым преступником. В то же время он был слепо предан Жуану Педру, и в основном благодаря этому, стал правой рукой в тёмных деяниях последнего. Именно Гонсалу помог ему сколотить группировку из нитеройских братков, в которой он с Клаудиу в виде неразлучного тандема выступал на главных ролях.

– Так вот, начните действовать сразу после моего ухода. Только не палитесь, особенно Мяслик. Он у нас равнодушен к бабам, коке и иным глупостям. За ним, как за дитятей нужен глаз да глаз, и поэтому не упускай его тоже из виду. Понял меня? – настойчиво твердил Жуан Педру.

– Понял. А что конкретно мы будем делать, патрон? – спросил его Гонсалу. Он вместе с другими членами банды так обращался к Жуану Педру.

– Кстати, а где, сейчас, носит Мяслика?

– Собирает навар на рынке в Нитерое. Сегодня же суббота – день сбора.

– Правильно. А теперь слушай меня очень и очень внимательно и мотай на ус, Пантера. Всё, что я тебе скажу сейчас крайне важно для меня. Это самое важное из всех дел, что я вам до сих пор поручал. Разумеется, тут не может быть никакой осечки, понимаешь, надеюсь? Итак, начинайте следить за опасной троицей, то есть за Рикарду, Роберту и Рожериу. Собирайте на них всю информацию, любой даже мало-мальски значащий компромат. Ясно?! Потом эти сведения передайте лично мне. И помни, что здесь труд в основном умственный с проявлением так сказать некоторого творчества. На всё это у вас неделя. Максимум дней десять.

– Но обоим невозможно уследить за тремя людьми. Не получается.

– Эта проблема пусть вас не волнует, – жёстко отпарировал Жуан Педру, незаметно протягивая ему из-под стола конверт, набитый американскими купюрами. Собеседник быстро взял конверт, зорко глядя по сторонам.

А хозяин, ухмыляясь, продолжал, – Это ваш аванс. Да не шуруйся ты так. Сам вроде Пантера, а глядишь по сторонам, как будто кролик какой-нибудь. Нельзя так, друг. Эта сумма не только для покрытия необходимых расходов, но и для скорого найма тобой нужных, проверенных людей для дела. Естественно, что наёмники будут лишь временными лицами, и сразу же после окончания работы порви с ними полностью, расплатившись, как следует. Никого не обижая, понятно. А если кто и начнёт дёргаться, то сам прекрасно знаешь, что делать.

– Конечно, патрон. Сделаем всё как надо, – с улыбкой ответил бандит.

– Мне очень нужно, чтобы вся информация об этой тройке у меня была бы на руках. Понятно? Весь ежедневный распорядок, все связи, знакомства, увлечения, привычки, места пребывания и вообще всё, что связано с ними. Особый упор надо делать на кузенов Рикарду и Роберту. Ни в коем случае не светитесь! Ведите себя предельно осторожно. Тише воды и ниже травы.

– Ясно. Постараемся стать невидимками.

– Это только первая часть вашего задания. Вторая более сложней, Пантера.

– Я готов на любое дело. Были бы деньги и твоя дружба, патрон.

Жуану Педру за годы службы, вернее, в отряде специального назначения, много раз приходилось иметь дело с типами, подобными Гонсалу. Общаясь с ними, он чувствовал себя как рыба в воде. Прекрасно знал, о чём вести разговор, каким тоном, и что может интересовать подобных подонков.

– Не сомневаюсь в этом. Деньги и дружба всегда будут, пока будете верно и исправно работать на меня. Ну ладно, не будем отвлекаться. У меня итак мало времени. Вторая часть состоит в том, что придётся следить за моим старшим братом и нашим проклятым адвокатом. Их личная жизнь меня не интересует, хотя не лишним будет узнать и эту сторону их биографии. Но все их дела, касающиеся компании должны быть доподлинно известны мне. Перемещения и встречи Жоакима и Жулиу Сезара нужно тщательно фиксировать. Я сам буду с тобой связываться раз в два-три дня, и отдавать необходимые инструкции по делу, если на то возникнет необходимость. Пусть расстояние между нами не будет для тебя помехой или поводом, чтобы расслабиться. И не посмей даже в мыслях прерывать со мной связь или же как-то дезинформировать меня. Понятно?!

– Почему ты так говоришь, патрон? Разве я стукачок, что ли?

– Никак нет Пантера, потому именно тебе я поручаю дело. Справишься?

– Конечно, справлюсь, будь уверен в этом, патрон!

– Ну, вот и хорошо. От Пантеры я ожидал только такого ответа, – похлопав приятеля по плечу, весело произнёс Жуан Педру, – Во вторник я вылетаю, и вы начнёте в тот же день. К этому времени ты с Мясником завербуешь нужных людей, которые естественно никогда не будут меня знать, вообще. Впрочем, чего тебе разъяснять такие тонкости. Ты это сам всё прекрасно знаешь. Остальные подробности я тебе ещё вчера объяснил.

– Хорошо, патрон. Мы выполним всё, как ты сказал, – пообещал Пантера.

– Отлично. До аэропорта пусть меня провожает Мясник. Потому что ты будешь всё это время занят больше всех, и я не хочу отвлекать тебя от дел.

– Сеньор Жоахим нет, но адвокат может учуять слежку. Тем более у нас с ним уже чуть было не произошёл прокол в прошлом году после дела того полковника.

– Думаю, ты прав. Оставим тогда пока брата с адвокатом в покое, – немного подумав сказал Жуан Педру, – насчёт них я позже решу, и дам тебе знать.

– Понятно. Будут ещё какие-либо инструкции, патрон?

– Пока нет. Ну да ладно, Пантера, мне пора. Береги себя, – произнёс Жуан Педру, крепко пожав руку собеседника. Гонсалу отнюдь не был слабаком, и запросто мог свалить кулаком бычка, но рукопожатие патрона было крепким даже для него.

Жуан Педру не смог улететь в намеченный срок, задержавшись ещё на неделю. Дела дома и на работе позволили ему ещё остаться в Рио. А в доме да Силва ныне царило уныние, которое началось сразу после того, как во время вечернего ужина в кругу семьи и близких друзей, то есть адвоката с доктором, дон Жуан Антониу объявил домочадцам о своей неизлечимой болезни. Вначале домашние никак не хотели поверить услышанному, и Жоаким с Мануэлой даже принялись советовать отцу уехать на лечение в Штаты. Но доктор Леонсиу с присущей ему прямолинейностью отверг их советы, и тем самым похоронил искру надежды в их сердцах. Все, Жоаким, Мануэла, Жозе, Мария, супруга Жуана Педру, их дети, слуги, и даже легкомысленная Оливия были в отчаянии от того, что ничем не могут помочь главе семьи. Болезнь прогрессировала, и в доме да Силва теперь царили грустное молчание и всеобщее уныние. Даже всегда шумные и неугомонные дети Жоакима – Камилла и Отавиу теперь как-то притихли, зная, что тяжелобольного дедушку нельзя теперь беспокоить.

Однако время всё лечит, заставляя хотя бы отчасти смириться с любой потерей. И поне-много домашние стали свыкаться с мыслью, что их отца, деда и тестя не станет через несколько месяцев. Обычная рутина жизни, работа, домашние хлопоты и разговоры о предстоящей свадьбе Мануэлы понемногу заглушили уныние в членах семьи да Силва. Оно постепенно уступало место ежедневным заботам. Такую атмосферу создавал сам Жуан Антониу своим примером. Словно бросив вызов в лицо самой смерти, он ежедневно выходил на работу, проводил совещания, встречи, переговоры, подписывал документы, часто ездил на фабрику и не пропускал важных приёмов. Продолжал по-прежнему твёрдой рукой руководить компанией. В этом его горячо поддерживал волевой и оптимистичный Жуан Педру. Вначале ему тоже передалось отчаяние всех членов семьи да Силва, и он также пару дней ходил угрюмый с насупленным лицом. Но, не настолько, чтобы так падать духом, предавшись унынию. Во-первых, он раньше всех в семье узнал о болезни отца, и поэтому был готов к любому повороту дела. Во-вторых, в отличие от остальных его горе было не столько искренним, сколько показным. Если он и горевал, то только потому, что отец обделил его в своём завещании, и отправлял сейчас в изгнание в чужой город.

Днём в понедельник 26 мая Жуан Педру уже был в аэропорту «Сантус Дюмонт», где его на этот раз провожали жена с сыном и Виктор. Среди сопровождающих выделялся высокий мускулистый негр в кожаной куртке и потёртых джинсах. Он стоял далеко в стороне, но благодаря своему росту мог лицезреть пассажиров. Разумеется, никто из сопровождающих Жуана Педру не обратил на него никакого внимания. Этого негра отличали необыкновенно уродливая физиономия и неприятный взгляд больших глаз. Даже за версту чувствовалось, что этот верзила является отморозком. Это был не кто иной, как известный рецидивист Клаудиу Барбоза.

♦ *Клаудиу Барбоза по прозвищу «Мясник» был на десять лет старше Гонсалу, и в отличие от своего товарища являлся коренным афробразильским жителем Рио, так называемым – кариока. Его родители, вернее мать (отца он не знал, ибо был незаконнорожденным), всю свою жизнь провела в тесной фавеле на окраине. Она подрабатывала случайными заработками, а часто и воровала на вокзалах, чтобы не умереть с голоду самой и как-то прокормить полуголодных детишек, старшим из которых был наш герой. Выросший в подобных условиях Клаудиу уже с детства был знаком с криминалом, успев близко познать пороки.*

Вскоре такое «знакомство» начало давать обильные плоды. Так, до 15 лет у него было аж 20 приводов в полицию, три судимости и около полусотен мелких правонарушений. Его данные прочно закрепляются в архивах полиции штата, а объёмное досье исчисляется томами! Хулиганство, кражи с взломом, грабежи, угон автомобилей, шантаж, изнасилования, вымо-

гательства, азартные игры, наркоторговля и даже предполагаемое соучастие в неоднократных похищениях и убийствах людей, – далеко не полный перечень деятельности юного отребья.

Уже в шестнадцать лет он прославился, не зная предел, изощрённой жестокостью, перешагнувшей грань садизма. Баскетбольный рост, свирепый взгляд огромных, как у жабы, глазниц вкупе со страшной улыбкой, обнажавшей лошадиные зубы, а также пренебрежительнейшая внешность извращенца внушали ужас даже матерым уголовникам, не говоря уже об обычных людях. Поэтому-то в криминальной среде за ним прочно закрепилась кличка «Açogueiro»⁶.

Когда Клаудиу исполнилось шестнадцать, полиция снова арестовывает его за участие в изнасиловании и убийстве двух школьников. Суд приговаривает его, как главаря банды, к смертной казни, который вскоре заменяется пожизненным лишением свободы и каторжными работами на рудниках в далёкой Боа Виште.

Однако здесь фортуна неожиданным образом улыбается ему. Дело в том, что адъютант тогдашнего помощника командующего гарнизоном капитана да Силвы просит патрона помочь освободить «Мясника», с которым был знаком со времён первой судимости. Объясняет же просьбу получением в дальнейшем выгоды от его услуг. Просчитав доводы логичными, Жуан Педру организовывает Клаудиу побег, снабдив деньгами и паспортом. Клаудиу бежит в Венесуэлу, где занимается контрабандой алмазов. Скоро и здесь его настигает правосудие. И он возвращается в Бразилию, пристроившись возле Пантеры.

Помимо Клаудиу Барбозы в аэропорту околачивался также и один тип с тщедушным видом. Это был Андреу Гомиш, шофёр Рикарду. Он по поручению своего патрона несколько дней следил за Жуаном Педру. Но тот, учувя слежку, поручил Клаудиу сопровождать его в аэропорт и выследить этого типа. В случае необходимости Мяснику было поручено бесшумно нейтрализовать «хвоста».

Спустя пару дней сеньор Диаш надолго лишится шофера, которого найдут полуживым на рабочей окраине города – Сидаде-де-Деуш. Андреу был жестоко избит, ограблен высоким негром в маске, попав в больницу с ножевым ранением.

Однако до инцидента с Андреу и появления Жуана Педру, в аэропорту произошёл небольшой, но занятный эпизод. Когда Мясник ожидал своего босса, прибыл пересадочный рейс из Манауса. Среди людей, прибывших этим рейсом, он обратил внимание на темнокожего мужчину, растерянно суетившегося около многочисленных сумок, пакетов и баулов, которые тот, видимо, притащил с собой из столицы Амазонии. Сложив в кучу багаж, этот сеньор положил поверх него небольшую пластмассовую папку, и тяжёлой походкой засеменил в дальний конец зала ожидания, где стояли тележки для перевозки вещей. Клаудиу, посмотрев вокруг и убедившись, что на него никто не обращает внимания, спокойно взял папку, проверил её содержимое, и что-то вынув из неё, положил в карман. А папку вернул на место. Ничего не подозревающий путешественник нагрузил на тележку личные вещи, и двинулся обратно в сторону паспортного контроля. А Клаудиу, как ни в чём ни бывало, продолжал ждать своего патрона.

На следующее утро консульство Венесуэлы в Рио-де-Жанейро посетил гражданин этой страны, проживающий в Каракасе. Доминго Луис Гарсиа, так звали посетителя, заявил консулу о пропаже паспорта. Однако у венесуэльца, к счастью, сохранились автомобильные права, журналистское удостоверение и другие документы. Поэтому через несколько дней у него в кармане был новый паспорт, даже не подозревая, что старый, выданный в Каракасе, и «потерянный где-то по дороге из аэропорта в отель Флорида», был передан Мясником на хранение Гонсалу. Так, на всякий случай.

---

⁶ Açogueiro – Мясник, живодёр, по-португальски

Глава VII

В Сан-Паулу была зима. Конечно, для нас, привыкших к чёткой смене времён года, когда не спутаешь лето с зимой, а весну с осенью, деление на времена года в Бразилии кажется искусственным. Жители тропического Сан-Паулу весьма серьёзно относятся к таким переменам. Вот и сейчас, в начале июня, «бразильская зима» показывала характер. Почти ежедневно шли дожди. Температура не поднималась выше 15 градусов, что создавало дополнительные неудобства, никак не способствуя хорошему настроению. Климат отражался на настроении у одного из новых обитателей города.

В пригородном портовом районе Сантус на восьмом этаже небоскрёба в своей комнате сидел новосел, молодой мужчина. Он подошёл к окну, открыл ставню и посмотрел на улицу. Ветхие дома, многие из которых не только требовали капитального ремонта, но и давным-давно отжили свой век, нуждаясь в сносе. Здесь проживала китайская община эмигрантов, и этот уголок города скорее походил на какой-нибудь европейский квартал в Шанхае или Гонконге, чем на улицу крупнейшего мегаполиса. Город ошеломлял и одновременно пугал своими размерами. Непрерывно гудели машины, с трудом пробивавшие себе дорогу среди множества гружённых мешками и коробками повозок, двуколок, которые тащили, впрягшись в оглобли, босоногие, одетые в рубище китайцы.

Глубоко вздохнув, молодой человек закрыл окно и снова сел за стол. Дела никак не спорились. Вот уже несколько дней он жил в Сан-Паулу и поселился в этой бедной квартирке, предпочитая ему комфортный номер в отеле. Не потому что у него не хватало средств, и не из-за того, что он был доморощенным аскетом. Вовсе нет. Просто Жуан Педру да Силва, решив сэкономить на первых порах, снял двухкомнатную квартиру в не совсем престижном районе, и сразу же головой ударился в дела, чтобы как можно побыстрее открыть и возглавить здесь филиал «Силва». Приехавших вслед за ним Жоржи ди Абреу и Фернанду Мораиша он поселил подальше от себя. Впрочем, они ему и не досаждали, а строго выполняли его приказы и распоряжения, и всецело были поглощены своей работой. Одновременно, этим он оградил себя от возможных глаз и ушей отца.

Таким образом, у него появился свой уголок в городе. Будучи бывшим военным, он привык ко всякого рода неудобствам. И командировку в Сан-Паулу он считал именно таковой. Здесь он не изменял своим привычкам, своему ежедневному распорядку дня. Вставал, как обычно, в семь утра, и около часа в любую погоду совершал утреннюю гимнастику с пробежкой вокруг близлежащего стадиона. После короткого, но плотного завтрака садился за бумаги или же чаще выходил по делам, и возвращался только поздним вечером. Ложился не позже одиннадцати вечера, и этот режим он выработал ещё много лет назад в бытность курсантом военного лицея в Агульяс-Негресе, не изменяя ей до конца жизни. Всегда чувствовал себя бодрым, и, невзирая на погоду, одевался легко. Дважды в неделю, в часы, когда он отсутствовал, квартиру убирала одинокая соседка, одновременно заменяя ему и горничную, и химчистку за личную оплату. Обедал он, где придётся по долгу работы, а ужинал всегда в компании Жоржи и Фернанду. Как правило, ел он мало, но часто, а спиртным практически не злоупотреблял. С домашними Жуан Педру ежедневно поддерживал связь по телефону. Реже он разговаривал с Гонсалу. Однако дела в Сан-Паулу, особенно на первых порах не продвигались.

Никак не удавалось открыть филиал компании, и запустить механизм его действия, не говоря уже о прибылях. А причин тому было множество, и как ни старался Жуан Педру скрыть от всех своё разочарование, оно всё же отражалось на его удручённом лице. Во-первых, в Сан-Паулу почти уже не осталось старых знакомых их семьи, на которых так рассчитывал Жуан Антониу. Во-вторых, здесь, как и по всей стране, также царили коррупция, местничество, кумовство и произвол предрежащих мира сего. В-третьих, беспощадная конкуренция на рынке. Компаний, производящих разные фруктовые соки, на местном рынке насчитывалось,

по меньшей мере, десятками, если не сотнями, и их владельцы отнюдь не горели желанием обзавестись у себя под боком ещё одним конкурентом. Помимо них ещё и во множестве существовали подпольные цеха, вручную изготавливавшие эти соки, да и просто рядовые удалыцы, делавшие нехитрый бизнес прямо на дому, этим зарабатывающие хлеб насущный. Все они относились к гостям из Рио отнюдь недружелюбно.

Именно из-за происков местных бизнесменов, компетентные органы либо отказывали Жуану Педру и его людям, либо затягивали просьбу, требуя многочисленные справки и документы, а те, что понаглее, и вообще крупные суммы денег, едва окупавшие весь их бизнес. Вдобавок ко всем препонам к нему на квартиру уже наведались какие-то подозрительные типы. Молодчики итальянского происхождения, судя по темпераменту, характерному акценту – кайпира (смесь португальского с неаполитанским диалектом итальянского языка) в предельно ясной форме требовали от него и его спутников убираться из города. В случае же отказа эти типы недвусмысленно намекали на худший исход.

Казалось бы, что перед лицом всех этих сложностей, есть только один выход – своевременное отступление, что и настоятельно ему советовали все вокруг. Тем более, что заканчивались средства, выделенные компанией, а жить становилось всё трудней. Сан-Паулу был городом более дорогим, чем Рио. Но сеньор да Силва был не из тех, кто сдавался. Он предпочёл действовать, притом незамедлительно. И первым его шагом стала полная конфискация непотраченных средств у Жоржи ди Абреу, взятие их под свой контроль с последующим переходом на жёсткую экономию. Затем он предпринимает рискованный шаг. С помощью соседей по многоэтажке он знакомится с одним из главарей японской общины.

Японская община, тесно связанная со знаменитой Якудзой, была одна из хорошо организованных диаспор в Сан-Паулу. Квартал Либердад, где жила самая большая японская община в мире, с недавних пор считался одним из центров розничной наркоторговли в мегаполисе. Гангстеры или как их называли «самурайчики» из страны восходящего солнца успешно соперничали в криминальном мире со своими наиболее «стажными» в этом деле итальянскими конкурентами, в последние годы начинали превосходить их. Помимо наркотиков, азиаты держали под контролем и часть оружейного бизнеса, безраздельно контролировали все казино, бары и притоны в собственном квартале. Постепенно они превращались в силу, с которыми начинали считаться даже местные власти, получая, выгоду от дружбы с желтокожими. Восточная щедрость охотно позволяла закрывать глаза на творившееся вокруг них беззаконие.

Именно поэтому Жуан Педру решил обратиться за покровительством именно к японским старейшинам. Можно было только восхищаться его терпением, поистине самурайской вежливостью. Предварительно изучив основные правила, оригинального во многом японского этикета, обласкав на чайной церемонии седовласого узкоглазого главара щедрыми дарами и ласковыми речами, для убедительности подкреплённых крупной суммой наличных денег, он заручается их поддержкой, и открывает офис «Силва» в японском квартале. Правда, офис находился в двух комнатках бывшего магазина благовоний, но и этого пока было достаточно. Затем Жуан Педру совершает ряд визитов к чиновникам разных мастей, начиная комиссаром полиции, заканчивая губернатором штата. Разумеется, визиты обходились его и так изрядно поредевшему бюджету не так уж и дёшево, ибо каждому из этих сиятельных вельмож необходимо было, как следует умаслить ручку. А с возвышением должности, соответственно, возрастала и цена подношений.

Через время маленький филиал фирмы «Силва» заключает долгосрочный контракт с латифундистом из Кампинаса, Арчибальду Кошта Брава, являющимся одним из главных поставщиков на городской рынок. Спустя некоторое время у «Силва» появляются заказы на местном рынке. И уже с десятков магазинчиков и ресторанчиков (правда, в основном с японского и китайского кварталов, что для начала неплохо) начинают сотрудничество с сеньорами из Рио.

Жуан Педру также был в курсе домашних дел. Причём точную информацию он получал от Пантеры, нежели от домашних, даже жены. Так он узнал, что его Жозе недавно отбыл в Англию для сдачи экзаменов в Кембридже. Болезнь отца прогрессировала день ото дня, но он продолжал выходить на работу. У Жоакима часто происходили ссоры с женой на почве ревности.

С другой стороны, здоровье отца ухудшалось из дня в день, и он решил отойти от дел, назначив своё последнее заседание на вторник 2 июля 1969 года. Временными управляющими делами компании, как и верно полагал Жуан Педру были назначены адвокат Лопиш да Гама и доктор Леонсиу.

Живя в гуще дел и интриг, связанных с будущим наследством, Жуан Педру не предполагал, что в многомиллионном городе мысли одного из её жителей, вернее жительниц, заняты вокруг его персоны. Множество дел, ускоренный темп жизни, выбросили из его памяти ту, которая пленила его с первого взгляда. Но судьбе было угодно вновь их встретить.

Длиннющая автомобильная пробка на авениде Паулиста в районе делового центра длилась больше получаса. И при таком черепашьем темпе грозила ещё дольше продлиться. Было шумно и душно. Деловые люди спешили на обеды, встречи, а служащие просто на закуску или на нехитрый обеденный перерыв. Переполненные в этот час разноцветные автобусы истошно сигналили. Студенты и школьники разных возрастов, со смехом, шумными разговорами и криками медленной гурьбой переходили авениду. Кое-где нетерпеливые водители устав барабанить по сигналам, кричали во весь голос и ругались многоэтажным матом сквозь открытые окна машин. Поносили и обвиняли во всём всех и вся вокруг, кроме самих себя. Жуану Педру, тоже стоявшему, точнее, сидевшему в пробке в салоне серого «Опеля», взятого им в аренду, уже надоело сидеть просто так. Тем более, от природы он не был ленивым, и его с детства бесило сидеть сложа руки.

От вынужденного безделья он решил было послушать радио, настроив магнитола на нужную частоту. Негромкий шум музыки, доносящийся из радио немного успокаивал, позволяя хотя бы ненадолго расслабиться. Он недавно вышел с успешной встречи в банке, и теперь собирался ехать в японский ресторан на Либердаде, где у него через полчаса была назначена очередная встреча. Там великолепно готовили рыбные суши, подавали крепкий саке⁷ в маленьких чашечках, и ему, полюбившему оригинальную японскую кухню, нравилось проводить там время. Жуан Педру, слушая хитовую песню знаменитой Вануссы про сентябрьские утра, собирался вздремнуть, как его боковое зрение привлёк внимание стоявший по соседству автомобиль.

Прямо рядом с его машиной в пробке также стоял маленький «БМВ», на заднем сиденье которого молчаливо сидела молодая женщина. После секундного замешательства Жуан Педру сразу признал в ней Мальвину. Женщину, которую успел почти позабыть после их встречи в Пернамбуку. С тех пор она почти не изменилась. Волосы, как и прежде, отливали цветом спелых фиников, кожа была такой же нежной, а черты лица также безукоризненны. Только её волшебные, чёрные глаза, вернее, их взгляд стал более задумчивым или более печальным. По крайней мере, так ему показалось.

Она его заметила раньше, и хотя старалась всеми силами не замечать, не смотреть в его сторону, но по напряжению накрашенных губ, мимики по-детски непосредственного лица было видно, что сохранять напускное спокойствие стоило ей немалых усилий. Это и не ускользнуло от зоркого зора, и он решил сделать первый шаг. Воспользовавшись тем, что в кабине водителя был просто шофёр, судя по фирменной фуражке, он помахал ей рукой. Мальвина

---

⁷ Саке – японский крепкий напиток наподобие водки

сделала вид, что не заметила, но страшно взволновалась после этого жеста Жуана Педру. Видя, что тот продолжает махать, ответила дежурной улыбкой. Её смущало присутствие шофёра, а также атмосфера пробки, где не в меру любопытные водители, от нечего делать, начинают нахально глазеть на соседей. Посему, она облегчённо вздохнула, когда шум двигателей возвестил о долгожданном конце пробки.

Невозможно было описать всю гамму противоречивых чувств, которые за какие-то пару минут успела испытать Мальвина. Возможно, она сама бы и не смогла описать их сейчас, так как была очень взволнована и смущена, одновременно. Переполюнявившая её радость от случайной встречи с тем, кто снился ей ночами, которого она никак не могла забыть после возвращения из Ресифи, резко сменилась на волнение, невольную дрожь от мысли, что сознательно изменяет мужу. Со дня поцелуя возле кофейной плантации, она начала свыкаться с мыслью, что больше никогда его не увидит. А эта мимолётная встреча, где они даже словом не обмолвились, перевернула её душу, словно цунами в океане.

Мальвина снова пережила те чувства и те незабываемые ощущения, которые подарили ей мгновения встречи с Жуаном Педру. На секунду она даже захотела очутиться в его объятиях, но вздрогнула. Как никак, она всё-таки замужняя женщина, мать, сеньора из приличного общества, и посему не в праве поддаться на искушение дьявола. Но запретный плод слаще. Не будь дьявола, Ева не вкусила бы запретный плод в раю, и тем самым, не положила бы начало земной любви. Но Мальвина считала свои чувства к Жуану Педру проявлением козней дьявола, а то и самого сатаны, и боялась признаться самой себе, что влюблена в него, что он похитил её сердце.

Что же касается самого Жуана Педру, было бы несправедливо сказать, что эта встреча прошла для него бесследно. Но, он в силу своего твёрдого характера и выдержанного темперамента никогда не давал чувствам взять над собой верх. Конечно, эта встреча с Мальвиной приятно удивила и обрадовала, одновременно. Он вспомнил, что Мальвина проживала здесь, в Сан-Паулу. Успевший о ней почти позабыть, он вновь сильно пожелал её. Пожелал ещё больше, чем в день встречи. Тем паче, что у него давно не было женщины. Если не считать, конечно, встречу с гейшей из японского квартала. Он не мог позволить себе расслабиться.

В дальних уголках своего подсознания, Жуан Педру ощутил, что не просто желает Мальвину обычным животным желанием. Он захотел быть рядом с ней, услышать певучий голос, смотреть на её лицо, на ласковые глаза, ощущать пленяющий аромат её волос. Ему было хорошо уже при одной мысли о ней. Он решил отыскать увидеть Мальвину. Но только лишь после того, как завершит дела. Потому что для нашего героя дела, тем более, связанные с деньгами всегда стояли на первом месте.

Глава VIII

Район Мондаки был одним из престижных аристократических пригородов Сан-Паулу. Здесь располагались фазенды, особняки и виллы богатейших людей города. Улицы этого пригорода утопали в роскоши тропической зелени и отличались удивительной чистотой, не присущей остальной части мегаполиса. Тут проживала нуворишская элита. Лица, непомерно разбогатевшие путём всевозможных махинаций и, конечно же, благодаря деловой жилке. В одном из этих роскошных особняков, в самом конце утопающего в вечнозелёной прохладе акаций улицы, проживал с семьёй почтенный сеньор Алвару Казелли. Однако его особняк меньше всего походил на жильё нувориша.

Жилище было напроць лишено всяких излишеств, вычурности, свойственных домам таких сеньоров. Интерьер сравнительно небольшого по размерам дома был украшен в скромном, но красивом стиле, повсюду чувствовался тонкий вкус хозяина. Вернее, хозяйки. Внутри всё было также обставлено красиво со вкусом, без лишней помпезности. Каждый уголок здесь

был ухожен с такой любовью и вниманием, какие могли исходить от человека с изысканным вкусом, с тонкой эстетикой. Сеньора Мальвина в отличие от своего супруга видела радость жизни не в приумножении капитала, не в улучшении благосостояния, а в служении высшим идеалам, общечеловеческим ценностям. И именно в этом она черпала жизненные силы. Видела смысл жизни.

Однако в последнее время сеньора потеряла былой интерес ко всему. Да и вообще в последние дни она вела себя как-то необычно, странно. Мечтательная от природы она стала ещё более рассеянной и задумчивой, у неё пропал аппетит, на вопросы окружающих она отвечала с запозданием. К тому же на неё всё чаще начала наступать непонятная грусть, хотя со здоровьем всё было в порядке. Все эти перемены начали сказываться после возвращения из Ресифи. А причиной была непонятно откуда взявшаяся, нестерпимая тоска. Каждый вечер на закате она часами до возвращения мужа с работы простаивала на веранде или же молчаливо гуляла в саду с малолетним сыном.

В этот день ближе к вечеру стало заметно холодать. Перламутровые отблески багрового заката озаряли огромный бассейн, многочисленные эвкалипты прекрасного сада, от которого и исходила свежая прохлада, перемешанная с причудливым горлотанием разноцветных какаду, дивным ароматом нежных роз и орхидей. Цветочное благоухание так же сочилось и на балкон особняка, где в это время, опершись о мраморные перила, молча стояла Мальвина. Короткое бежевое платье с пёстрыми горошками прекрасно смотрелось на её фигуре, а волосы цвета спелых фиников вбирали в себя лучи зимнего заката. Но прекраснейшие чёрные глаза ныне не улыбались, покрывая лицо детскими ямочками, а печально смотрели куда-то вдаль. Словно эти глаза всё время ждали кого-то, надеясь на чудо. Проходили дни, недели. Она ждала всё это время и надеялась.

Недавняя встреча посреди пробки в центре города лишь усугубила её смятение. Она долго не могла после этого прийти в себя, находилась под воздействием переполнявших её чувств. Словно приняла немереную дозу ЛСД. С одной стороны, ей хотелось смеяться, кричать, танцевать от мысли, что на миг увидела Жуана Педру, и что он, видимо, тоже не забыл её, коли так настойчиво здоровался. И она хотела продолжения этого мгновения. Но чаще, Мальвине хотелось плакать или забыться, навсегда вычеркнуть его из памяти. Она очень страдала, и разрывалась между неразрешимой дилеммой: хранить верность нелюбимому, но мужу, и для этого навсегда забыть встречу в Ресифи либо продолжать в том же духе, истязая себя.

Если в душе Мальвины была искра непорядочности, она, воспользовавшись удобным случаем, не долго думая, завела бы интрижку с Жуаном Педру за спиной мужа. Не лишаясь семьи, одновременно, крутила бы флирт, роман с любовником, наслаждаясь прелестями тайной связи. Однако подобное ей даже в голову и не могло прийти. Так как, человек чистой души, глубоко порядочный, она всем своим существом была далека даже от мысли наставить рога супругу. Но всё же она была влюблена, хоть и не отдавала в этом себе ясного отчёта. Эта, некстати возникшая влюблённость заставляла её страдать аж до такой степени, что порой она была готова признаться мужу. Этим хотя бы отчасти облегчить душу.

Этот малознакомый полузагадочный сеньор, словно бушующий вихрь бурно ворвался в её размеренную жизнь, навсегда изменив её плавный ход. И исчез также неожиданно, как и появился. А затем снова появился, чтобы снова так же исчезнуть. Он был дьяволом-искусителем, призраком, внезапно появившимся неизвестно откуда, и только лишь для того, чтобы похитить её сердце и затем, чтобы снова исчезнуть в небытие. Видать дьявол в облике сероглазого кабальеро завладел её помыслами, тем самым посеяв семя греха в её непорочной душе.

Жуан Педру с первого взгляда так обворожил несчастную красавицу, что та уже ни на минуту никак не могла выбросить его из своей памяти. Несмотря ни на что, невзирая даже на священные семейные узы. Сколько бы она ни пыталась вычеркнуть его из своих воспоминаний, сколько бы ни старалась затмить свои греховные мысли о чужом мужчине семейными

заботами и домашними делами, как бы ни заглушала в себе зов сердца, она так и не смогла стереть из памяти того, кто как сладкое наваждение снился ей каждую ночь. Её сердце начинало медленно сдаваться. Порой всего одной встречи, одного случайного разговора, брошенного вскользь слова или даже единственного взгляда бывает достаточно, чтобы навсегда и круто изменить всю оставшуюся жизнь. Это может быть один раз, но уже навечно. Именно это и называется настоящей любовью.

Разумеется, эта перемены невольно отражалась на её поведении, и не ускользнула от взоров домочадцев, в том числе и мужа. Естественно, всё это ему не нравилось, наводило на невесёлые подозрения. Но серьёзных оснований для подозрений пока не было. Домашние решили не допытывать её расспросами. Однажды ночью после очередного равнодушия в ответ к его ласкам, муж не выдержал и спросил жену:

– Милая, почему ты такая? Вот уже сколько времени мы не занимаемся любовью. Ты холодна со мной, и я, честно говоря, не понимаю, почему. Скажи, пожалуйста, в чём дело, дорогая? – Алвару предпочитал называть вещи своими именами, но с обожаемой им женой, женщиной на редкость культурной и воспитанной, он старался быть как можно учтивее.

– Дорогой, извини, просто я не в настроении сегодня. Прости, пожалуйста.

– Тебе нездоровится или может причина во мне, милая? Хотя, уверен, что я делаю всё как надо, а мой любовный мускул работает, как мотор ракеты. В чём дело? Откройся мне, Мальвина, что с тобой? Может у тебя проблемы?

– Да нет. Просто я устала, переутомилась немного. Наверное, из-за зимы, погоды или дневной пробки, когда я вместе с Себастьяном возвращалась из торгового центра, и просидела в заторе около часа. Не беспокойся так за меня. Ты же знаешь, я немного странноватая. И это вскоре пройдёт само по себе, – попыталась его успокоить Мальвина. Но сама чувствовала себя перед ним сейчас виноватой.

– Мальвина, любовь моя, – предпринял последнюю попытку Алвару, – Вот уже сколько времени ты такая, и это после возвращения из Севера. Такая рассеянная, печальная, холодная со мной. Раньше ты тоже уставала, тоже переутомлялась, тоже в пробках часами просиживала, и тоже болела, но никогда не была такой, как сейчас. Я ясно вижу, что ты в последнее время не замечаешь меня, а иногда просто не отвечаешь внятно на мои вопросы. Сыну нашему меньше внимания уделяешь, чем раньше. Даже книжечки запустила читать. Я ещё не говорю про твои супружеские обязанности. Это не только я, но и все домашние так говорят.

– Возможно, ты и прав. Но поверь, что я сама толком не понимаю. Вроде бы всё хорошо, и я прежняя. Я давно не была в родных краях, много лет не видела тётушку. Наверное, на меня нахлынула ностальгия по детству. Всё-таки, Ресифи мой родной город. Я люблю его, и была там очень счастлива, – со смущением оправдывалась она. При тусклом свете абажурного ночника Алвару, к счастью, не заметил, как густой румянец залил щёки. Мальвина пыталась оправдываться, не решаясь открыть мужу истинную причину. Она итак чувствовала себя виноватой перед ним. Расспросы, переходящие в допрос, вконец добивали. Тем более, когда затуманенные гневом глаза Алвару метали молнии, а руки жестикулировали, как у клоуна в цирке.

– Дорогая, разве ты несчастна здесь в Сан-Паулу, рядом со мной и сыном? – спросил, начинающий понемногу терять терпение сеньор Казелли, – чтобы тебе не было скучно вдали от родных мест, я даже согласился на переезд в наш дом твоей няни, этой тёмной, невежественной лесной индианки. Хотя приличные люди моего круга никогда не опускаются до этого. Хорошо хоть Сильвия догадывается исчезать, когда дома бывают посторонние, и никто из соседей её не видит... И, по-моему, тебе грех жаловаться на то, что я не делаю тебя счастливой. Или может, ты скажешь, что я, вообще, ничего не сделал для тебя?! – крикнул он, качая головой, как индийский факир.

– Что ты Алвару. Ты и так слишком много сделал для меня в жизни. Разве я могу забыть всё это? Пойми меня, пожалуйста. Родина всегда тянет. И моя меланхолия, скорее всего, связана именно с этим обстоятельством. Но это временно, скоро пройдёт, поверь, дорогой.

– Однако же ты забываешь, дорогая. Вспомни, где ты жила раньше у себя в Пернамбуку, и где, в каком ты доме живёшь сейчас. То даже домом нельзя было назвать, – начал было повышать голос Алвару, – У твоей обожаемой тётушки Алисии, у этой чокнутой старой девы, стены в доме от сырости лопались, приличной ванной даже не было, сортир вонял, а кухня, с размером в мизинец. Мясо вы раз в месяц ели в лучшем случае, а десерт видели только по праздникам. Даже коммунальные расходы и те не могли вовремя платить. Одевались, как попало, как квартиронки⁸ на плантации какао. А ты сама-то ходила, как рабыня Изаура. И ты по такой жизни соскучилась, Мальвина? Тебя тянет обратно в этот гадюшник, и это после всей роскоши, что ты здесь увидела, и которое я тебе дал за все эти годы, дорогая? – крикнул он, тыча толстыми пальцами вокруг.

– Ты меня неправильно понял, Алвару, – попыталась она его урезонить.

– Нет, моя дорогая. Я тебя очень даже прекрасно понял, – теперь Алвару уже завёлся и кричал, неистово размахивая пухлыми руками, как базарная торговка на рынке. В пылу спора он визжал, смешивал итальянские слова с португальскими. Его неприятная привычка фыркать носом, причмокивая в гневе тонкими губами, коробили утончённую, воспитанную Мальвину, – Благодаря мне ты вышла из грязи в князи. Стала настоящей синьориной и подлинной графиней. Да, да, ведь графиней ты была только на словах! – продолжал он бесстыдно делать одолжения собственной жене, забывая, что сам стал за её счёт графом.

Вообще, такт и дар самообладания не входили в число добродетелей дона Алвару. По природе своей он был типичным торгашом, мелким, ограниченным дельцом, мыслящим такими же мелочными категориями. Ростом много ниже среднего, с безобразной фигурой и пивным животом, с квадратным лысеющим черепом, с мелкими чертами лица и чёрными, как угли глазами, с кривыми ногами и короткими пухлыми руками, он более походил на персонажи из итальянских комедий, нежели на коммерсанта. Дурные привычки, хамоватая манера разговора дополняли сей портрет.

Внук полунищих переселенцев из глухой деревушки под Неаполем он вырос в многодетной семье бакалейщика, еле сводивших концы с концами. Едва проучившись в школе, он с ранних лет подрабатывал зеленщиком в лавке. В детстве и юности он на своей шкуре познал все тяготы бедности. Тяжёлый ежедневный труд от рассвета до поздней ночи, когда он и в жару, и в холод, и в будни, и в праздники торговал зеленью и овощами в лавке отца в Мооке, когда он вынужден был давать дань и при этом покорно глотать оскорбления гангстеров дона Томазо и наглых полицейских, когда сносил частые побои пьяного отца и истеричной матери, когда он годами носил поношенную одежду и потёртую обувь, и когда он с нескрываемой завистью смотрел на сверстников, с годами выковали в нём хитрого, изворотливого и жадного купца.

В шестнадцать лет, поднакопив денег, он открыл бакалейную лавку в другом конце района. Через пару лет на паях с двумя земляками там же открыл и маленькую пиццерию. Дела пошли так хорошо, что спустя пять лет он выкупил их доли, став единоличным хозяином пиццерии, которую превратил в доходный ресторан. Затем он открыл второй ресторан и пару продуктовых магазинов. Разумно приумножив капитал, Алвару с годами увеличил число своих магазинов до дюжины, приобрёл склады в портовой части города, наладил связи с местными властями, и открыл собственную фирму, выйдя за пределы родного района.

Хитростью, обманом, лестью, переходившим в безобразный подхалимаж, и главное, беспринципностью он переродился из полуголодного зеленщика Алло, как дразнили его сосед-

---

⁸ Квартероны (от лат., на четверть) – в колониальный период группа населения в Бразилии, потомки смешанных браков европейцев с мулатами. Данный термин в наши дни практически вышел из употребления.

ские мальчишки (он не знал даже настоящего названия телефонного аппарата), в солидного коммерсанта. В типа очень высокомерного, некультурного, скупого, считающего каждый грош. Заработанное потом и махинациями богатство позволило ему купить дом и жениться на видной девушке из родственников. Но жена его оказалась сварливой, бесплодной, и не смогла подарить тщеславному итальянцу потомство. Поэтому, он развёлся с ней.

Спустя годы, в ходе поездки в Ресифи ему довелось познакомиться с Мальвиной. Весьма необыкновенной женщиной голубых кровей, красивой внешне, и прекрасной внутренне. Таких, как она, привыкший к общению с эмоциональными итальянками или разного рода путанами, он до сих пор не встречал. Помимо всех достоинств Мальвина Алмейда привлекала честолюбивого нувориша дворянским титулом. Ключом, открывавшим вчерашнему зеленщику двери в высшее общество. Её бедность не была для него помехой, и он решил покорить Мальвину, чего вскоре и добился. Как он сам говорил, с лихвой окупил своё капиталовложение.

Справедливости ради стоит сказать, что Мальвина была для Алвару своего рода слабостью. Единственной нежностью для его чёрствого сердца. Конечно, красота и разница в двадцать два года вынуждали проявлять максимум такта в отношении восемнадцатилетней супруги. Тем не менее, своим благородством, воспитанием, внутренней культурой, добротой она сумела отчасти благотворно повлиять на мужа. Так, с первых дней брака он дал ей относительную свободу. Не препятствовал общению с родными, разрешил привезти с собой няню из Ресифи, позволял уходить из дома, не спрашивая отчёта. Доверял ей. А после рождения желанного наследника, он, вообще, дал ей полную самостоятельность. И особняк, где они сейчас проживали, и его ремонт на баснословную сумму были выбраны, куплены и сделаны целиком по совету Мальвины.

Но по натуре Алвару всё ещё оставался зеленщиком, и никакие миллионы и титулы никак не могли изменить этого. Как говорится, родившийся быдлом, до конца останется таковым. Он искренне считал, что Мальвина и её близкие по гроб жизни ему обязаны. Потому что он их сделал людьми. Вывел из ярма бедности и лишений. Вообще, для Алвару деньги были всем. Для него лица, не обладающие солидным капиталом, входили в некую промежуточную категорию, нечто между людьми и животными. Негров, индейцев, мулатов и прочих небелых, он откровенно не считал за людей. По этой причине, Алло считал и Мальвину ценной вещицей, которую надо беречь и, за которой необходим уход.

– Я никогда не была неблагодарна к тебе Алвару, побойся Господа Бога, – воскликнула Мальвина, и глаза её наполнились слезами. Однако, она из чувства собственного достоинства постаралась сдержать свой плач, и разгорячённый муж ничего не заметил в полумраке.

– Я прекрасно знаю настоящую причину твоей грусти Мальвина! – возопил он, – Да, да, дорогая! Ты там на Севере, наслушалась проповедей своей маразматички тётки! Вот она вдолбила в голову тебе, что негоже супруга слушать! Феминистка, проклятая! Она человеком-то за мой счёт стала, стерва такая! Раньше впроголодь жила, и не было времени думать об этом! Теперь вы сытые, откормленные, с ног до головы одетые, обутые бездельницы! Даже ваши трусы и те на моё бабло куплены! Ты ездешь на дорогой машине куда и когда хочешь! Делаешь всё, что тебе вздумается! Вот и от безделья у тебя голова кругом поехала! Обнаглела настолько, что мужа не уважаешь! Под него ложиться уже перестала! То устаёшь, то болеешь, то у тебя месячные...

– Перестань Алвару! – не выдержала Мальвина. Тон одолжения и грубость, переходящая в хамство, вывели из себя кроткую Мальвину. Она больше не смогла стерпеть, и поэтому воскликнула повышенным тоном, – Ты уже перегибаешь палку. Да, я виновата перед тобой, но только лишь в том, что в последнее время не была достаточно внимательна к тебе и к Аугусту. Но обвинять меня и мою бедную тётку Бог знает в чём, и тем более в неблагодарности – это уже предел, сеньор! Мало того, что ты хамишь и кричишь на меня, так ещё и несправедливо

обвиняешь в том, что я и в мыслях не допускала. За всё время нашей совместной жизни, ежедневно в молитвах я воздаю хвалу Господу нашему, но не за роскошь и богатство, которыми ты так кичишься, дорогой! Вовсе нет. А за семейный очаг и за нашего сына, которого ты мне дал возможность подарить тебе, Алвару. Разве этого мало, чтобы не быть благодарным Богу, – тут Мальвина не сдержалась, дав волю душившим её слезам.

Алвару в душе немного устыдился своей грубости, но, не выдал этого на лице. Логичные доводы жены, её прямой взгляд и чистые, как капли родниковой воды, слезинки, остудили пыл итальянца. Тем более, что эта была первая ссора за все годы их семейной жизни. Обняв жену за плечи, и поцеловав в шею, он произнёс с неаполитанским присюсюкиванием:

– Прости, дорогая. Я обидел тебя. Я не хотел, честно. Но твоё равнодушие меня взбесило. Я люблю тебя, и хочу, чтобы ты не только каждую ночь чувствовала бы силу моего любовного мускула, но и всегда видела бы мою заботу и внимание к тебе, дорогая. Понимаешь?

– Мы оба очень устали. Давай уже поспим, а то гляди, скоро заря займётся. Спокойной ночи, Алвару, – ответила Мальвина, повернувшись спиной.

Алвару был полностью уверен в верности жены, и ему в голову не пришло бы ревновать её к кому-либо. Будучи недалёким и самонадеянным он полагал, что деньги и мужская сила в постели, чем он любил прилюдно хвастаться, вполне достаточны для того, чтобы не стать рогоносцем. Чтобы женщина любила или хотя бы была верна супругу. А Мальвина в эту ночь после ссоры с мужем, впервые в жизни поймала себя на мысли, что за годы так и не полюбила Алвару.

Жуан Педру был объектом постоянных мыслей и разговоров женщин не только в Сан-Паулу, но и в родном городе. Так, пасмурным вечером в небольшом особняке в районе Дуки ди Кашиас оживлённо разговаривали, между собой две женщины. Одна из них, немолодая худощавая особа лет пятидесяти с чёрными глазами на вытянутом смуглом лице, укоризненно выговаривала собеседнице, молодой полноватой женщине лет двадцати пяти, похожей на неё.

– Мария, я устала уже неоднократно повторять тебе, что не мучай себя так. Что тебе ещё надо от жизни? Твой муж прекрасно содержит тебя, не пьёт, не курит, не играет и не бьёт тебя. За сыном хорошо смотрит. Не обязательно, чтобы муж жену любил. Я тоже замуж не по любви вышла, но потом слюбилась – стерпелась.

– Мама, ты не понимаешь меня. Жуан Педру, вообще, на меня с Тониту смотрит, как на мебель. Ну, я то ничего, но сын ведь его родной. Я ещё не говорю о его похождениях. Один Бог знает, что он сейчас вытворяет там...

– Ты, видать, совсем уж мозги свои проела, дочь моя – грубо перебила её дона Изаура, – На то он и мужик, чтобы гулять с бабами. Недаром Господь создал для них инструмент между ног. По крайней мере, засматривается он на женщин, а не на мужиков и даже не на мальчиков, как некоторые! Не гомик и не педераст!

– Может быть, но дело не только в любви. Да, я люблю его и знаю, что моё чувство взаимно, и не только потому, что так судьба распорядилась, но и потому, что ему, совсем незнакомому чувству любви или вообще, человеческого сострадания к ближнему. Тебе этого никак не понять мама, извини, – огорчённо махнув рукой, ушла к себе Мария.

– Этого тебе не понять, дурочка. Жуан Педру хоть и негодяй, но мужик. Не то, что твой отец или брат. Так, что тебе не стоит причитать и жаловаться на судьбу!

Мария не знала, что сухая и чёрствая мать втайне завидует ей, потому что экспансивной сеньоре Изауре давно не давал покоя волнующий образ зятя. Она мечтала хотя бы на секунду оказаться на месте родной дочери, в крепких объятиях сероглазого кабальеро. Как говорят, мечтать не вредно.

– Я не причитаю и не жалуясь на судьбу, мама. Не в моих это правилах, да и грех это! – с порога воскликнула Мария, – Можно быть прекрасным в постели, можно быть красивым, можно быть и неплохим семьянином. Но невозможно быть плохим человеком и хорошим отцом, одновременно!

Мария была несчастна. Вернее, таковой она чувствовала себя в браке. Да, у неё было всё, что можно пожелать молодой женщине. Большой дом, семья, богатство, она не испытывала материальных затруднений. В доме да Силва к ней с первого дня относились не как к невесте, а как к дочери и сестре. Тем не менее, ей в жизни не хватало главного. Обыкновенного женского счастья. Верно, она вышла замуж по любви, любила, но не была любима. Более того, Жуан Педру никогда не считался с ней, не спрашивал её мнения, относился к ней более чем холодно. Ему было безразлично само существование Марии. Верно, он не бил, не оскорблял и не мучил жену. Но его учтивость исходила не из нежности. Он относился к ней, скорее, как к живому аксессуару, вроде домашней живности, чем к супруге. Так было с первого дня их брака. Жуан Педру разговаривал с ней лишь при необходимости, стараясь быть немногословным. Супружеский долг выполнял исправно, но редко. Никогда не пытался скрывать от неё свои связи на стороне. Марии бывало больно, когда она замечала на его теле следы чужой помады, запах духов или прилипшие к одежде женские волосы. Устраивать сцены ревности, требуя объяснений или обижаться было бессмысленно. Слезы, истерика, лесть и прочие средства из широкого арсенала женских хитростей, не действовали на её супруга. Во-первых, Жуан Педру был не из тех мужей, над которыми можно было командовать. Во-вторых, она ясно понимала, что совершенно безразлична для него, и своим уходом лишь облегчит его ношу. Так, она могла хотя бы физически находиться рядом с ним и своим сыном.

Своего родного единственного сына, Антониу Луиша, являвшегося смыслом существования Марии, Жуан Педру не сказать, чтобы совсем не любил, но и не привечал. С ним он тоже был холоден. Общался не как с дитёй, а скорее, как с взрослым подчинённым. Жуан Педру никогда его не баловал, не играл с ним, и также разговаривал при необходимости. То есть, уделял минимум внимания. Сын был для него продолжением рода, в отношении которого в будущем можно будет реализовывать честолюбивые замыслы. Возможно, в душе Жуан Педру желал видеть сына сильным, решительным и целеустремлённым, каким он сам был, хотел в нём выковать мужской характер. Малыш Тониту боялся отца больше всех на свете, не смея не то что заговорить, но и даже дышать в его присутствии. С самого рождения между отцом и сыном была воздвигнута некая холодная стена отчуждения, которая с годами будет только расти. Конечно, наблюдавшую за этим со стороны Марию это глубоко огорчало. Но что она могла поделать против властного мужа. Оставалось покориться судьбе. И Мария терпела. Терпела из-за сына, из-за любви к мужу.

Тем временем, в другой части города в Тижуки на небольшом двухэтажном особняке, скрытым за высоким забором и деревьями, вблизи одноимённого озера семья да Силва сидела за ужином, неспешно ведя разговор. Помимо Жуана Антониу и его сына Жозе на ужине также присутствовали дочь и её жених.

Истинно бразильская красавица Мануэла больше походила на лицо с обложки модного журнала. Вся в отца, смугловатая с миндалевидными карими глазами, яркими, запоминающимися чертами лица и волнистыми каштановыми волосами она производила впечатление на всякого, кто её впервые видел. Высокий рост, стройная фигура и бархатная кожа (редкость для латиноамериканских женщин) дополняли картину. Двадцатилетняя Мануэла была хорошо образована и блистала в светском обществе. Вместе с тем она была простой, доброй и порядочной девушкой, любимицей отца. На ужине она вся так и сияла от счастья. Рикарду официально объявил дату свадьбы. Жуан Антониу спросил зятя:

– А почему именно на сентябрь? – из-за болезни он говорил медленно.

– На эту дату я договорился о венчании с епископом. Да и многие наши знакомые, которые сейчас заграницей, будут в Рио только в начале весны. А главное, именно в этот день ровно два года назад мы познакомились.

– Что ж, поздравляю вас! Начнём готовиться к свадьбе, – поздравил их Жуан Антониу, едва выдавив из себя дежурную улыбку.

– Спасибо большое, – хором ответила счастливая пара.

Наряду со невестой Рикарду Диаш также сиял от счастья. Он тоже по-своему её любил, она привлекала эффектной внешностью, воспитанностью и добрым, весёлым нравом. В ней он ценил чистоту. Ибо, в отличие от многих незамужних сверстниц, Мануэла всё ещё сохраняла девственность. Данное обстоятельство льстило самолюбию Рики, впрочем, как и любого другого мужчины. Помимо всех достоинств, Мануэла притягивала сеньора Диаша также богатым наследством. Рикарду точно знал, что его невеста является любимицей и возможной наследницей Жуана Антониу да Силва, и это только увеличивало любовь к ней. Хотя справедливости ради стоит отметить, Мануэла была небезразлична ему. Ему было приятно, что она ответила ему взаимностью, и искренне полюбила его.

С детства ни в чём не знавший себе отказа, выросший в роскоши и холе, любивший изысканно одеваться в самые дорогие костюмы, щеголять на самых шикарных автомобилях, не меньше женщин любивший дорогой парфюм, и предпочитавший всё самое изысканное и дорогое на свете, дон Рикарду Диаш был человеком ленивым, алчным и недалёким. Несмотря на круг общения и прекрасное образование, он в свои тридцать лет так и остался легкомысленным транжирой, избалованным папеньким сыном. К тому же он был заядлым игроком и кутилой. У него не хватало не только смекалки и напора, как воздух необходимые для бизнесмена, но и здравого смысла, самостоятельности в принятии решений. С младых ногтей все серьёзные шаги он предпринимал по совету родителей, а позже кузена Роберту.

– Дорогой, надеюсь, что после свадьбы ты разрешишь мне навещать родных, бывать в доме отца? – спросила жениха Мануэла.

– Конечно да. Или ты принимаешь меня за тех старомодных мужей, что держат взаперти жён, не позволяя даже выйти на улицу? – наигранно обиделся Рикарду.

– Что ты, Рики. Разумеется, нет. Просто я хотела услышать это от тебя лично. Но пока ты ещё не мой муж, а я всё ещё живу в отцовском доме.

– Манолита, дорогая. После свадьбы мало что изменится. Ты можешь приходить к своим родным, когда тебе будет угодно. Я никогда не стану возражать тебе по этому вопросу. К тому же они будут и моими родичами. Но я буду ревновать тебя, но не как Отелло Дездемону.

– Я не даю и никогда не дам тебе повода для ревности, милый.

– Повод даёт твоя красота. Она словно цветущий оазис в пустыне, а ты сама будто роза гарема...

– Ага, сейчас ты уже решил меня превратить в наложницу своего гарема? Прямо, как какой-нибудь восточный деспот, – шутливым тоном возмутилась Мануэла.

– Я никогда не стану для тебя деспотом, милая. Ты единственный пассажир моего поезда жизни. Моя первая, единственная любовь. Хотя признаться, мне интересен восточный, мусульманский подход к вопросу семьи и брака.

– И что же тебя так интересует? Практика многожёнства?

– Да. Как одно из проявлений их культуры, их своеобразной философии, – начал было рассуждать Рикарду, но в этот раз был перебит тестем.

– Рикарду, надеюсь, что войдя в нашу семью после свадьбы, ты станешь не только на бумаге, но в деле её полноправным членом. И тебе не придётся доказывать верность, становится нашим конкурентом в бизнесе.

– Что вы, дон Жуан Антониу. Разве можно идти против собственной семьи? Ведь семья моей жены, простите, будущей супруги, и есть моя семья.

– Дай то Бог, дай то Бог, – неуверенно произнёс тесть.

Ужин был закончен, присутствующие допивали кофе с десертом из медовых шариков и сушёных ананасов, когда Жуан Антониу, обратился к сыну:

– Жозе, попозже позвонишь падре Мауро и скажи, чтобы завтра вечером был у нас. Я буду ждать его у себя в кабинете. И ещё попроси, чтобы он не опаздывал.

Сын лишь утвердительно кивнул. Высокий симпатичный парень с чёрными волосами и большими глазами на широком лице, худощавый Жозе Луис Игнасиу да Силва был очень интеллигентным, не в меру застенчивым для своих лет. Бескорыстная служба на благо людей и увлечение наукой были его призванием. Этим он отличался от эмоционального Жоакима и холодного Жуана Педру. Тем не менее, флегматичность Жозе не мешала ему активно помогать отцу и брату в делах компании, а также готовиться к вступительным экзаменам в университет. В семье он с детства искренне восхищался и обожал Жуана Педру. Больше, чем Жоакима и Мануэлу. Жуан Педру привлекал его решительностью, трудолюбием и выдержкой. Он советовался с ним, старался ему подражать. Правда, безуспешно. Свой выбор учиться за границей Жозе сделал после беседы с любимым братом.

Поздно вечером, когда Рикарду ушёл, а дети удалились к себе Жуан Антониу прошёл в свой кабинет на верхнем этаже, набрал номер адвоката:

– Добрый вечер, извини, что так поздно. Надо кое-что срочно сообщить тебе. Ты же знаешь для меня сейчас каждая минута дорога.

– Ничего друг, мне можно звонить все двадцать четыре часа в сутки.

– Знаешь, Рикарду сегодня был у нас и во время ужина объявил дату их свадьбы на 15 сентября, то есть гораздо раньше ожидаемого мною срока. Думаю, что этот тип решил ускорить её после того как узнал о болезни, и решил сразу же войти в Совет Директоров не как рядовой акционер, а в качестве совладельца доли жены.

– Но ведь есть карантинный срок по закону, – возразил адвокат.

– Всё равно, полгода после свадьбы пролетят незаметно, а за это время он успеет купить доли остальных пайщиков, а если нет, то начнёт давить на Мануэлу и Жоакима, что ему нетрудно будет сделать. Я очень опасюсь этого, если честно.

– Жуан, а почему бы тебе не изменить пункт завещания относительно доли дочери? Советую внести в нём оговорку, что в случае преждевременной утраты работоспособности Мануэлы или ни дай и Бог смерти, то её доля автоматически переходит к Жозе, ибо Жуана Педру, как я понимаю, ты уже исключил из списка главных пайщиков. С выплатой компенсации её мужу. Этим ты подстрахуешь и дочь, и компанию от амбиций будущего зятя. Как тебе это?

– Но как я выплачу компенсацию этому типу, если реальная стоимость акций намного больше номинала. Я же разорюсь совсем, Жулиу Сезар.

– Всё очень просто. Он получит лишь сумму от номинальной стоимости акций. Иными словами, только их первоначальную стоимость. Такое тоже возможно, если предусмотреть в договоре купли-продажи и согласии остальных пайщиков компании. И об этом я уже сам позабочусь, как следует. Так, что не беспокойся.

– Прекрасная мысль Жулиу Сезар! Недаром про тебя говорят, что ты съел собаку в своём деле, – одобрительно воскликнул сеньор Жуан Антониу, и продолжил, – Завтра же займись этим и не забывай, что надо всё успеть сделать до второго числа. Чуть не забыл, добавь пункт, что моя дочь будет управлять компанией, принимать решения только с твоего и Леонсиу согласия. Вы оба будете её доверенными лицами. Потому что вам обоим я могу доверить своё детище.

– Спасибо дорогой. Ты и так нас благодетельствовал. Не волнуйся, утром же займусь этим, а ты отдыхай. Впереди у нас решающий бой.

На следующий вечер глава семьи да Силва принимал у себя в кабинете своего близкого друга, бывшего одноклассника, а ныне священника одной из городских церквей – падре Мауро Дзанетти. После недолгой исповеди Жуан Антониу протягивает ему конверт с письмом, содержание которого знает только он сам, и наказывает в целости и в сохранности доставить адресату, имя и адрес которого священник должен был хранить в строгом секрете, как тайну исповеди. Вместе с конвертом он также получает некоторую сумму для покрытия расходов.

Однако, бледному робкому падре не суждено было доставить письмо. По приказу Жуана Педру за домом людьми Гонсалу была установлена слежка. Довольно редко появляющийся у них Мауро, естественно, вызвал подозрения у первого, и тот приказал, не мешкая «прошупать» святого отца. В результате умело инсценированного ограбления в руки Гонсалу попадает письмо отца, которое он тотчас передаёт патрону. А трясущийся от страха не столько перед Господом, сколько перед бандитами падре трусливо умалчивает о случившемся, и Жуан Антониу не узнаёт об участии своего письма. Получивший письмо Жуан Педру (повергшее его в шок и ярость), готовится к открытию филиала «Силва».

Глава IX

Ресторан «Trópicana» в районе Сан-Каэтану-ду-Сул в центре Сан-Паулу был если не из самых шикарных, то по крайней мере, одним из могущих считаться престижным заведением города. Обычно здесь проводила время бизнес публика, назначались деловые встречи, велись переговоры, всегда играла живая музыка, не говоря уже о вкусных блюдах и дорогих винах.

Воскресным вечером 30 июня 1969 года здесь было более шумно по причине банкета, устроенного Жуаном Педру да Силва для местной элиты по случаю открытия филиала «Силва» в Сан-Паулу. Кого тут только не было. Начиная от бизнесменов и крупных латифундистов, заканчивая вездесущими журналистами, фотографами, банкирами, военными, звёздами футбола и кино, а также местными политиками вплоть до мэра и губернатора. Не забыли пригласить и японских старейшин. Самым почётным гостем считался сеньор Карлос Ласерда, скандально известный бизнесмен, олигарх, владелец издательства «Nova Fronteira⁹». Этот гордый потомок испанских дворян был известен тем, что считался одним из неприкасаемых людей в стране. Тех, кого можно было пересчитать на пальцах одной руки. Будучи главным спонсором переворота 1964 года, он, тем не менее, в силу своей справедливости и неприятия к диктатуре, очень скоро открыто пошёл против нового режима, созданного на его же деньги. Его даже упекли за решётку. Однако огромный авторитет в деловых кругах не только Бразилии, но и Латинской Америки, популярность среди интеллигенции, главное фантастическое состояние позволили ему не только выйти из тюрьмы, но шире раскрутить бизнес. Аристократическое происхождение увеличивали к нему симпатии света, и он был желанным гостем любой светской вечеринки.

Было здесь и множество чиновников разных мастей, но в то же время схожих между собой. В глупости, в разнузданности, в упоении безнаказанностью. Как, например, губернатор, вслух читающий «икс икс век» вместо «двадцатый». Кардинал, тратящий крезовское состояние на корм аллигаторам, но жалеющий и чашки кофе для своей прислуги. Министр, потерявший счёт виллам и по ошибке купивший собственную фазенду. Генерал, чей сын позировал на своей яхте в окружении девиц, прикрытых долларами вместо фигового листа. Депутат, в стельку пьяный барахтающийся с нимфетками в бассейне, наполненной дорогим шампанским вместо воды. Одним словом, чичиковские типажи, взращённые на тропической почве. Самое страшное было не то, что представляли из себя эти разжиревшие питекантропы. А то, что на

---

⁹ Nova Fronteira – Новая граница, по-португальски

них уродов стремились походить, им подражали. Более того, ими всерьёз гордились, как лучшими сынами нации.

А гости неспешно прохаживались или стояли небольшими группками вокруг шведских столиков, щедро наполненных разнообразными яствами, оживлённо беседуя и смеясь, обменивались визитками. Вокруг бесшумно сновали гарсоны с подносами бокалов шампанского, и негромко звучал ритмичный джаз. Гвоздем же музыкальной программы был знаменитый хит тех лет «Mas que nada» в живом исполнении трио Сержиу Мендеша. Негромкая музыка услаждала слух, и гости наслаждались деликатесами, чёрной икрой и французским шампанским, обсуждая успех молодого предприимчивого дельца из Рио. И, конечно, завидуя ему.

Виновник торжества, одетый в элегантный тёмно-синий костюм от «Diog» стоял рядом с мэром и неким банкиром, обсуждая курс доллара, и одновременно краем глаза подмечая всё вокруг. Ныне он мог быть доволен собой, потому что этот банкет был свидетельством его первой победы в чужом городе. Но, в то же время, как ни старался это скрыть, он выглядел напряжённым. Последние новости от Пантеры, намеченное на послезавтра заседание Совета Директоров компании требовали срочного присутствия в Рио. Жуан Педру намеревался вылететь ночным рейсом, так как на завтра он через Гонсалу объявил сходку своим людям в Нитерое. Всё это требовало максимальной концентрации сил. Заседание Совета Директоров «Силва» обещало быть бурным. И сейчас, поднимая бокалы, он почти не пил, а лишь причмокивал нежный «Don Perrignon». Заодно лёгким движением брови давал указания администратору, успевал улыбаться приглашённым. В ответ ему также улыбались, а некоторые, вообще, строили кокетливые гримасы. Но ему сейчас было не до прекрасного пола.

В это время к Жуану Педру подошёл тучный федеральный судья с двумя спутниками, низкорослым мужчиной лет сорока и красивой женщиной, идущей за ним под руку. Как раз в это время он хохотал над сплетней мэра.

Драка влиятельного генерала с одним известным псевдопрофессором, чей сын являлся послом в одной из европейских стран, наделала шуму в прессе, и на долгое время стала пищей для салонных сплетен. Причём, оба драчуна здорово отлупив друг друга, заодно дружно поколотили и юную стюардессу на глазах у ошарашенных пассажиров первого класса. Лишь за то, что та попыталась разнять их. Подобные фокусы оборзевших от собственной безнаказанности «слуг народа» – нормальное явление в коррумпированных странах третьего мира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.